

ЮРИЙ ЦЕЙТЛИН

ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ

ВЕЛИКОГО ТРУБАЧА

Эдди

РОЗНЕРА

МОСКВА
«ОНИКС» ЛТД
1993

Цейтлин Юрий Владимирович

**ВЗЛЕТЫ И ПАДЕНИЯ ВЕЛИКОГО ТРУБАЧА
ЭДДИ РОЗНЕРА**

М.: «Оникс» ЛТД, 1993. - 96 с.

Издатель Эрика РОЗНЕР-КОВАЛИК

Художник Марк Степанович КАШИРИН

Ответственный за выпуск Алексей Георгиевич ШАЧНЕВ

Литературный редактор Людмила Григорьевна БУЛГАК

**Книга издана при участии
Рекламно-информационного агентства
"Деловой мир"**

**Автор приносит извинения за качество фотоматериалов.
Им очень много лет!**

**Автор выражает благодарность Эрике Рознер-Ковалик
за помощь в издании книги**

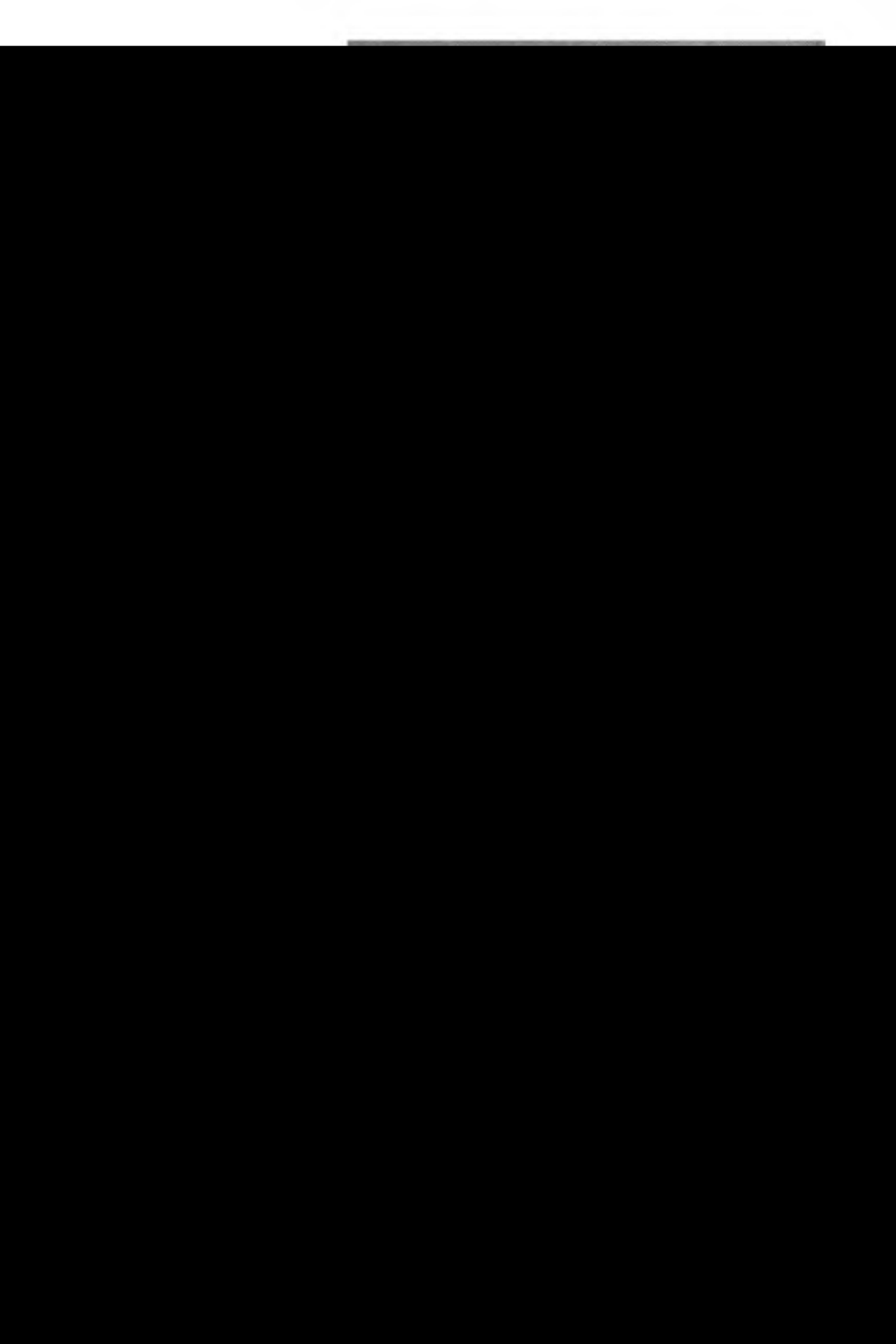
© Ю.В.ЦЕЙТЛИН, 1993

© «ОНИКС» ЛТД, 1993

Подписано в печать 26.03.93. Формат 60х90/16. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 6,0. Тираж 15000 экз. Заказ № 900.

ТОО „Вес“, Москва, Крымский вал, 6.

Московская типография № 6 Министерства печати и информации РФ, 109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

Эта удивительная история, которую я собираюсь рассказать, — история жизни большого, необычного музыканта — трубача-импровизатора Эдди Рознера и его "команды". История яркая, славная, но и трагичная.

Почему именно я решился рассказать об Эдди Рознере?.. Да потому, что уже нет никого, кто бы мог это сделать. И еще потому, что я проработал с ним бок о бок много лет, был соавтором его песен и эстрадных шоу, ну, и, наконец, потому, что он трубач и я — трубач... Правда, он — великий, а я рядовой, но все же трубач!

Итак, представьте себе музыкально-эстрадную Москву тридцатых годов: в кинотеатрах между сеансами, в клубах на танцах, в ресторанах играют маленькие смешанные или духовые оркестры. В репертуаре — легкая музыка: увертюры из оперетт, вальсы, танго, фокстроты, песни...

О джазе широкой публике еще ничего неизвестно, хотя уже появился первый его пропагандист — поэт Валентин Парнах. В 1928 году он побывал в США, привез грампластинки и стал читать лекции о джазе.

Почти в это же время в Ленинграде организовался Первый концертный ансамбль "джаз-банда" под управлением Леопольда Теплицкого. Затем "Передвижной концертный джаз-банд" Бориса Крупышева. "Ленинградская джаз-капелла" под руководством Георгия Ландсберга. Ленинградский молодежный джаз-оркестр под управлением Генриха Терпиловского... В Москве зазвучал "АМА-джаз", который создал Александр Цфасман. И, наконец, 8 марта 1928 года на сцене Малого оперного театра в Ленинграде состоялось первое выступление "Теа-джаза" под руководством и при участии Леонида Утесова!

Много лет спустя в своей книге "С песней по жизни" он скажет, что "Даже самые блестящие джазовые аранжировки не производили на публику заметного впечатления..."

И поэтому Леонид Осипович, создавая свои программы, делал упор не на "джаз", а на лирические и шуточные песни, и на театрализацию отдельных музыкальных номеров. В 1932 году состоялась премьера полностью театрализованного представления "Музыкальный магазин".

С 1928 по 1934 год джазы разных стилей и направлений стали интенсивно завоевывать аудиторию.

В 1934 году на киноэкраны вышел музыкальный кинофильм-шедевр "Веселые ребята", в котором главным героем был джаз! И джаз окончательно покорила всех. Именно с этого времени началось повальное увлечение западными танцами. В каждом клубе, в каждом учреждении создавались платные школы танцев, где новоиспеченные балетмейстеры преподавали фокстрот, бостон, танго, слоу-фокс.

Тогда же в Москве появился и первый дансинг. Он находился в нижнем фойе кинотеатра "Ударник". И я сам тайком от профессора консерватории Сергея Николаевича Еремина, который прочил меня в симфонический оркестр, играл в джаз-оркестре этого дансинга.

Дансинг в "Ударнике" был строгим заведением. Билеты туда были дорогими, а танцующие должны были являться в вечерних платьях и смокингах. Необычно было и то, что в нашем оркестре звучал неизвестный доселе инструмент — саксофон.

Танцплощадок стало много, а саксофонистов искали днем с огнем. Любой мало-мальски опытный музыкант, случайно обладавший саксофоном, был нарасхват! Любой оркестр, в котором был саксофонист, получал право называться джазом!

Среди музыкантов-джазистов и просто любителей джаза появились счастливчики, имеющие набор грампластинок с записями известных джазов Америки: Дюка Эллингтона, Луиса Армстронга, Бени Гудмена, Томми Дорсея, Бени Берегана, Джина Крупа...

Мы, молодые джазисты-фанаты того времени, собирались на квартире обладателя первой советской, несовершенной и неуклюжей радиолы "СВД-9" Эмиля Гейгнера, ставшего в скором времени одним из лучших саксофонистов-тенористов. Мы буквально с замиранием сердца слушали, запоминали, сравнивали, копировали и... молились на своих джаз-богов!

В конце тридцатых годов политические события в стране заметно изменились. Наравне с веселыми, легкими песнями из популярных тогда кинофильмов: "Веселые ребята", "Три товарища", "Сердца четырех", "Волга-Волга", "Цирк" на эстрадах зазвучали песни иного содержания: "Три танкиста", "Конноармейская", "Каховка", "Прощальная-комсомольская", "Орленок", "Партизан Железняк"... И, наконец, "Если завтра война"...

Вскоре выяснилось, — это "завтра" стояло на пороге!

Осенью 1939 года наши войска перешли границу Польши и ее восточные земли были присоединены к Советскому Союзу.

В то же время Адольф Гитлер присоединил к Германии западные земли Польши. На Восток, в Россию потянулись бесчисленные толпы беженцев, не пожелавших встречи с гитлеровцами.

Эти события, как это не покажется странным, отразились и на музыкальной жизни нашей страны. Ряды джазовых музыкантов пополнились беженцами — джаз Генриха Варса, Ежи Петербургского (автора известного шлягера "Синий платочек") и джаз Э.Рознера. Эдди Рознер, в то время уже известный музыкант, вместе с женой Рутей Каминской, ее матерью, известной польской актрисой Идой Каминской, и группой музыкантов-беженцев оказался в пограничном городе Белостоке.

Конечно, джазы Варса, Петербургского и Рознера перешли к нам не сразу полными составами. Музыканты добежали, перебежали, сортировались, ехали в эшелонах. Например, личный друг Рознера гитарист-певец Луи Маркович через границу шел пешком и напоролся на не совсем доброго таможенника, который будто бы за помощь при переходе границы вытребовал у Луи его гитару.

Луи хорошо запомнил этот день — 17 сентября 1939 года. Музыкант-певец лишился своего инструмента, своего хлеба.

Но зато в городе Белостоке добрый господин Случай наградил Луи Марковича — он помог ему встретить молодую очаровательную девушку Ирину, тоже беженку из Польши, которая в результате стала его верной женой, прошла с ним рядом долгий путь и живет сейчас в Москве с сыном и внуком.

Несколько слов о господине Случае. Этот господин будет много раз возникать в моем повествовании и самым неожиданным образом влиять на ход событий. И Вы, уважаемый читатель, очень скоро в этом убедитесь.

По моему многолетнему опыту и наблюдениям, судьба человека всегда выстраивается по воле и стечению обстоятельств, перед ними может разрушиться любая мудро и стройно начертанная линия жизни.

Итак, все началось, как я уже говорил, в Белостоке. Там Эдди Рознер собрал свой знаменитый оркестр. Там началась его подлая взлетов и падений, волнующая романтическая история!

Государственная филармония Белорусской ССР приняла горячее участие в судьбе новых своих граждан — музыкантов и артистов. Отсюда, от речки-малютки Бялы, до далекой, суровой реки Колымы и обратно пролегал извилистый путь Эдди Рознера.

Об этом пути я и хочу вам рассказать! Дай мне Бог все вспомнить, и чтоб рассказ получился!

Первые же концерты джаза БССР принесли грандиозный успех. Это было невиданное до сих пор нами музыкально-эстрадное зрелище! Добрый слух о нем разнесся с молниеносной быстротой, и, когда джаз появился, наконец, в Москве, начался ажиотаж по добыванию билетов.

Эстрадный театр сада "Эрмитаж" стал местом паломничества всей Москвы. Зрители любых пристрастий находили для себя в этом оркестре самое, самое... Фанаты-джазисты с упоением вслушивались в сложное очарование гармоний, в неожиданные каскады синкоп, в стремительные взлеты медных инструментов и в сладкий, романтический кристалл-хорус (это когда лишенная вибрации мелодия четырех саксофонов и кларнета тихо плывет, зачаровывая зал).

Музыканты-трубачи с упоением вслушивались в звуки золотой трубы Эдди, во фразировку его сольных тактов, и, конечно, наслаждались его импровизационным волшебством.

Рознер никогда не повторял рисунок исполняемой мелодии... этот рисунок рождался от сиюминутного настроения! Эстрадные артисты восхищались и умением Эдди держаться на сцене, умением находить контакт с залом, умением владеть оркестром, не прибегая к эффектным жестам и взмахам рук.

И все вместе были заколдованы ослепительной, завораживающей его улыбкой. Впрочем улыбаться умел и весь оркестр. Улыбаться — главное условие нахождения на сцене. Любимая команда-призыв Рознера во время концерта: "Смайлинг!" ("Улыбаться!"). И оркестр с удовольствием выполнял эту команду.

Теперь к этому заслуженному панегирику концерту присоединим царственно-интеллигентного конферансье Казимира Круковского, певицу-дизэс Руту Каминскую, бархатный тембр певца Лотара Лямпеля, обаятельного толстяка комика-скрипача Павла Гофмана, который, представляясь зрителю, с "горькой" иронией сетовал: "Я играю третью скрипку, потому что четвертой у нас нет".

Спустя много лет Гофман говорил мне:

— Рознер сделал из меня артиста... Представляешь, у меня на улице просят автографы. В Варшаве бы не поверили!.. Когда я, ресторанный скрипач, женился на дочери врача, то в наших музыкантских кругах была сенсация: "Дочь врача и ресторанный скрипач!"

Среди солистов был и знакомый уже вам Луи Маркович. Он исполнял тирольские песни — йодели. Тогда и это было экзотикой

Невероятно бурный успех имел салонно-акробатический дуэт Славы и Юрия Ней.

Вот один лишь пример: Слава в стойке на вытянутых руках Юрия. Затем подряд заднее и переднее сальто... Снова стойка и ложный обрыв. Прыжок и сразу на арабеск. В финале трюка прыжок на шпагат.

Весь номер в четком музыкальном ритме, в каскаде изящных танцевальных па.

Как я уже сказал, успех концертов джаза БССР был ошеломляющий. В газетных киосках продавались буклеты, программки джаз-оркестра, и мастерски выполненные открытки с фотографиями Эдди Рознера.

Открытки, фото и буклеты были освоены, но этого показалось мало. Гастроли Рознера подходили к концу. Я жаждал личного общения. Надо было действовать.

И вот однажды я со своим другом саксофонистом Эмилем Гейгнером решил пробраться на репетицию джаза в сад "Эрмитаж". Нам просто необходимы были автографы самого Рознера!

Летний эстрадный театр сада "Эрмитаж" был окружен невысокой оградой. Мы, тогда еще молодые и ловкие, легко преодолели этот рубеж и, конечно, были задержаны и доставлены в милицию. Отделение милиции для удобства нарушителей всех профилей находилось тут же в саду.

Мы горячо старались доказать главному милиционеру, что мы не воры, не хулиганы, а что мы — всего-навсего поклонники джаза. Мой друг Эмиль при малейшем волнении начинал сильно заикаться. А так как мы оправдывались одновременно, то можете себе представить эту сцену.

Однако милиционер уловил все же главное:

— Ребята хотят получить автографы.

Нас отвели за кулисы. Вызвали Эдди Рознера. Теперь Эмиль с еще большим волнением объяснял по-английски, что мы музыканты — трубач и саксофонист. Названия музыкальных инструментов фонетически почти одинаковы на всех языках. Рознер сразу понял и сказал по-русски:

— О, да! Это есть хорошо!

Рознер подписал нам открытки по-немецки. На моей было пять слов: "Желаю счастья хорошему трубачу Юре!" Милиционер, успокоенный, ушел. Нас пригласили на репетицию.

Спустя много месяцев, когда мне в 1942 году посчастливилось войти в состав джаза БССР, я как-то спросил Рознера:

— Почему вы написали мне на своей открытке: "Счастья хорошему трубачу Юре"? Вы же меня тогда видели впервые и не могли знать, какой я трубач?!

Рознер, таинственно улыбаясь, ответил:

— Рядом стоял милиционер... Я не хотел, чтобы вас арестовали!..

Тогда Эдди еще не знал, что арестовывали в те дни хороших чаще, чем плохих.

Но до этого разговора еще было много месяцев. А тем временем песню "Если завтра война" петь неожиданно перестали. Потому что "завтра" уже наступило. Война была сегодня!

В июне сорок первого года джаз БССР под руководством и при участии Эдди Рознера гастролировал в Киеве. Воздушная тревога началась в семь часов утра. Артистов увели в подвал гостиницы "Театральная", что на Крещатике, и затем срочная эвакуация через Москву в Сибирь, в город Омск.

Что же произошло с нами, московскими джазистами?.. Военнообязанные получили повестки в военкоматы и ушли воевать. По радио зазвучали совсем новые актуальные песни: "До свиданья, города и хаты", "До свиданья, мама, не горюй!", "Идет война священная"...

Я был невоеннообязанный. В 1936 году у меня обнаружили открытую форму туберкулеза легких, а в 1937, когда репрессировали отца, а меня за "потерю бдительности" исключили из комсомола, болезнь сильно обострилась. Я стал белобилетником. Но, однако, появилась возможность стать бойцом народного ополчения. И я им стал. Народное ополчение — охрана военных объектов, патрулирование, дежурство на крышах домов. Так значилось в призывах партии и правительства. Но стремительное наступление немецких войск на Москву все изменило. Ополченцы, еще не подготовленные, не до конца вооруженные и недостаточно обученные, были брошены в прорыв.

Седьмого августа 1941 года где-то в районе Гжатска нашему батальону было объявлено, что с этого дня мы являемся бойцами действующей армии. Дальнейшие события я не буду описывать. Это для другой книги. Скажу только, что после участия в облеве на немецких воздушных десантников, группа бойцов, в которой находился и я, целые сутки двигалась по пояс в болотных топях. Результат для меня — острая простуда, лихорадка, обострение болезни, сильное кровохаркание. И я снова признан негодным к строевой службе.

Едва оправившись, я перевелся в Дом Красной Армии Западного фронта. В небольшую концертную бригаду, с которой стал выступать перед бойцами на передовых позициях, в полевых госпиталях, в ближайшем тылу.

В те дни я встречался на фронте с прославленными в дальнейшем героями войны — командиром 2-го гвардейского кавалерийского корпуса, генерал-майором Львом Михайловичем Доватором, командиром танковой бригады Михаилом Ефимовичем Катуквым, генерал-майором Иваном Васильевичем Панфиловым, командиром 32-й ордено-

носной дивизии, полковником Виктором Ивановичем Полосухиным, командующим 16 й армией генералом, будущим маршалом, Константином Константиновичем Рокоссовским.

Я был свидетелем разгрома и бегства фашистских войск из-под Москвы в декабре 1941 года. В короткие передышки между концертами и переездами мне удалось вести дневник, который, к счастью, сохранился и, может быть, еще пригодится.

Но обо мне пока все!

Теперь пора вернуться к главному герою повести — к Эдди Рознеру. Осенние дни 1941 года, о которых я только что рассказал, застали джаз БССР в городе Фрунзе и в печальном виде. В оркестре осталось четырнадцать музыкантов — меньше половины! Причина тому — война. На территории Советского Союза, в городе Улан-Удэ начала формироваться новая польская армия из польских беженцев под командованием генерала А.Андерса. В эту армию и ушли добровольно рознеровские музыканты и артисты: конферансье Круковский, певица Игнатович, танцоры Слава и Юрий Ней, саксофонист Левитин и еще семь человек. Эшелоны добровольцев переправились в Европу через нейтральный Иран. Их дальнейшая судьба мне неизвестна.

А в городе Фрунзе, в кинотеатре "Ала-Тау" между сеансами выступает половина оркестра Эдди Рознера.

Это после ослепительных концертных залов и эстрад!

Можно предположить настроение и упадок духа еще недавно столь знаменитых артистов... Но вдруг телеграмма!

Да, правительственная телеграмма властям города: "Прошу помочь и сохранить джаз-оркестр БССР", и подпись — Пономаренко.

Это имя еще не раз встретится в этом повествовании и поэтому надо сказать об этом человеке несколько слов. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко, первый секретарь ЦК КП Белоруссии, начальник центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования, генерал-лейтенант. Человек высокой культуры, любящий и понимающий музыку, не побоюсь сказать, обожающий Эдди Рознера и сумевший оценить его талант и мастерство.

Телеграмма была очень вовремя! Джаз сохранили. По возможности укомплектовали — военнообязанных снабдили броней и организовали гастроли.

Тем временем ваш покорный слуга окончательно демобилизовался и вернулся домой в Москву.

В конце сорок второго года столица обрела некоторый порядок и сравнительный покой. Фронт откатился. Войска ПВО и авиационные кордоны надежно охраняли дальние подступы к городу. Вернулись из эвакуации некоторые театры. В саду "Эрмитаж" эстрадная студия

Николая Смирнова-Сокольского создала грандиозную по тем временам программу "Поговорим о песне". Гвоздем программы был джаз под руководством Александра Варламова, в котором нашлось место и для меня! Наметились какие-то планы на зиму, но тут вмешался в мою судьбу мой "Бог" — господин Случай. На доске объявлений в коридоре Мосэстрады я увидел скромное объявление: "В Госджаз БССР приглашаются музыканты — трубоч, контрабасист и тромбонист. Обращаться в комнату..." и т.д.

Ни секунды не задумываясь, я бросил и Варламова, и Смирнова-Сокольского, и небронированную свою квартиру, и очаровательную подругу из эстрадной студии... отоварил на десять дней вперед рейсовую карточку и через семь дней прибыл в город Иркутск, к месту работы в джазе БССР под руководством Эдди Рознера!

Рознер встретил меня дипломатически вежливо. Обаятельная улыбка: "Как доехали? Если не очень устали, завтра жду Вас на репетиции!.." Первая репетиция в джазе Эдди Рознера!..

Конечно, я вспомнил репетицию этого оркестра тогда в Москве, на которую попал в сопровождении милиционера.

Вот мой стул, вот мои ноты... Ведет репетицию сам Рознер на немецком языке. Я немецкий не знаю, но догадался, что играть надо "с восьмой цифры"... Рознер поднимает руки. Все музыканты поднимают инструменты, кроме одного, моего соседа трубача Алексея Семенова. Рознер посмотрел в нашу сторону и снова дал знак к началу. Но сосед попрежнему не реагирует. Тогда Рознер очень мягко произносит:

— Алеша, я жду...

И Алеша также мягко отвечает:

— Я фашистский язык не понимаю...

Это был протест или вызов, я сразу не понял. Наступила напряженная тишина. Рознер молча сошел со сцены, бросив на ходу:

— Ежи, продолжай репетицию...

Ежи — это Юрий Бельзацкий, музыкальный руководитель. Репетиция продолжилась на польском языке.

— Вшиско впожондку! — Все в порядке. Репетиция продолжалась.

Теперь два слова о соседе. Это Алексей Семенов, ленинградец, тоже, как и я, присланный на подмогу. Потом все утряслось, потом все подружились, и другие, более серьезные заботы просто сгладили первые неурядицы.

Вечером был концерт в городском театре. Я присутствовал на нем пока как зритель. Впрочем, нет, не только как зритель! Я ведь был единственным свидетелем того, прежнего джаза Эдди Рознера, тех ошеломляющих концертов, полных блеска и торжества звучания!

А теперь?!

Увиденное и услышанное удручало. И оркестр, и солисты поблекли. Неполный комплект саксофонистов и трубочей, один-единственный несовершенный тромбонист (как позже выяснилось, бывший участник самодеятельного джаза милиции города Таллина). Это был единственный коммунист в джазе. Он был эвакуирован с семьей в Среднюю Азию. Звали его Эльмар Каск. До войны он возглавлял отдел районной милиции.

Коль я уже остановил ваше внимание на этом персонаже, то, забегая вперед, скажу его дальнейшую судьбу.

Как только наши войска освободили Эстонию, Эльмар Каск получил правительственный вызов в родные края. Ему предлагали снова занять свой милицейский пост. Эльмар подчинился приказу и уехал, а когда много позже мы приехали в Эстонию на гастроли, то застали нашего бывшего тромбониста в должности инструктора райкома партии. Но инструктором он был днем, а вечером играл для заработка в ресторанном джазе! В Москве бы такое не простили!

Теперь вернемся обратно в 1942 год, в Иркутск, на сцену городского театра, где идет концерт джаза БССР под руководством и при участии Эдди Рознера.

Постепенно по ходу концерта я привыкал к неполному звучанию групп, к неяркому облику солистов. Но вот все искупил один долгожданный миг — выход Эдди. Его коронный номер "Сент-Луис блюз"! Как и тогда, из-за кулис блеснула золотая труба и появился он! Ослепительная улыбка, легкий, грациозный поклон и только ему свойственный знак оркестру. Да, Рознер был тот же!.. Он один!.. На его врожденную артистичность и обаяние не смогли повлиять невзгоды, мелкие и даже крупные, всякого рода неудобства. Они наверняка были, но там... за кулисами. Рознер из породы тех музыкантов, которые на публике играют лучше, чем на репетиции. Да, Рознер был тот же: элегантность, динамичность, идеально сидящий белый костюм. Артист — всегда артист!

С его выходом вроде бы прибавилось света на сцене. Подтянулись, заулыбались музыканты. Заискрился конферансье Юрий Благов. Кстати, ныне здравствующий писатель-сатирик. Но к нему мы еще вернемся.

Концерт увлек меня. Забылись первые впечатления, стерлись, затушевались воспоминания о "тогдашнем" джазе. Я больше никого не сравнивал. Я мысленно представил себя на сцене и загордился.

Через три дня меня ввели в программу и за секунду до открытия занавеса моего первого концерта я сам себя мысленно поздравил. Так долго лелеянная мечта сбылась. Я — артист джаза Эдди Рознера.

Следующим городом после Иркутска была столица Бурятии Улан-Удэ. Гостиницы переполнены военными. Мы живем в вагоне. Я совсем забыл сказать, что оркестр имел свой вагон. Большой, жесткий, четырехосный — это значит восемь колес! Конечно, тесно, неудобно и шумно, потому что многие артисты ехали с женами и даже с малолетними детьми, которые не только кричали и плакали, а еще и бегали из купе в купе, благо что купе в жестком вагоне не имеет дверей. А если прибавить к этому обилие скарба, включая ванночки, тазики, горшочки, а также керосинки, примусы, кастрюльки и сковородки, не считая тарелок, чашек и банок, — то получится коммунальная квартира на колесах.

Но надо сказать, что гастролы в своем вагоне имеют и преимущества — не надо сгружаться и вгружаться, да еще часто в проходящий поезд. А так, когда бы поезд не пришел — ночью или днем, спи себе, ни о чем не думай. Вот начальству — забота: надо успеть прицепить или отцепить вагон из состава, иногда и товарного, добыть разрешение на отвод вагона в удобный запасный тупик, да чтоб недалеко от станции. Затем подсоединиться к электросети и заполнить баки водой. Бывало, что и не успевали. Тогда ужин при свечах, а утренний туалет где-то на вокзале.

Как я уже говорил, артисты делились на холостых, семейных, и семейных с детьми. Все получали так называемые рейсовые карточки, которые отоваривались, где придется. А вот когда директору с помощью авторитета и улыбки Рознера удавалось получить что-то сверх, то начинались трудности при распределении: делить только на работников или и на членов семьи? Каждый раз заседал "парламент". А если доставались папиросы? Делить на всех или только на курящих? А зачем папиросы некурящему? — Чтобы поменять их на молоко, или картошку, или сахар! Была война — было голодно!

Пользуясь выражением известного сегодня журналиста, состав артистов делился на "наших" и "не наших".

"Не наши" — это все беженцы, попавшие в Россию по воле обстоятельств, о них я уже говорил. "Наши" — это артисты, присланные на доукомплектование. "Наших" было мало: директор Давид Рубинчик, конферансье Юрий Благов, певица Зоя Ларченко, трубач Алексей Семенов, контрабасист Иван Муравьев и я. Позже "наших" стало больше, но это много позже.

Все жили в одном вагоне — по шесть человек в купе. Только у Рознера с женой, дочкой и няней было отдельное купе. Семейные мужчины спали на боковых полках, уступив удобные места женам или детям. Не боюсь повториться и скажу еще раз: было тесно, неудобно и порой тоскливо.

Все мечтали о втором вагоне, чтобы этот оставить семейным, а холостым — хоть бы и товарный зато без...

И вдруг наша певица, очаровательная Зоя Ларченко, объявила, что может достать, то есть арендовать еще один вагон!

И это, на первый взгляд фантастическое, сообщение, оказалось, имело под собой реальную основу. Я надеюсь, что Зочка простит меня за разглашение этого факта. За давностью лет мой проступок ненаказуем!

А случилось то, что в Зою Ларченко влюбился не кто-нибудь, а сам начальник Восточно-сибирской железной дороги. Как видите, любви не только все возрасты, но все ранги покорны. Письма, телеграммы... она тоскует, она грустит. Зое загорелось увидеть еще раз короля своего сердца, а нам загорелось получить второй вагон и зажить по-человечески!

Зою отпустили. И через две недели, как раз перед Новым, одна тысяча девятьсот сорок третьим годом, в город и порт Владивосток пришел вагон с единственным пассажиром — Зоей. Это был воистину новогодний подарок!

Во Владивостоке мы жили в гостинице и по-настоящему блага нового джаз-вагона ощутили чуть позже. Концерты проходили, как мне казалось, с еще большим успехом, может быть, потому, что половина зрителей состояла из американских моряков. Они приходили тогда к нам во Владивосток с военными грузами. Стиль игры Эдди Рознера был им по сердцу. Это был их репертуар. Все американские номера, как правило, повторялись на бис.

На встрече Нового года в ресторане гостиницы "Челюскин" американцы оказывали нашим артистам особые знаки внимания и провожлашали тосты в нашу честь... Мы же отвечали улыбками, кивками, поднятием бокалов, но все издали. Если вы не догадались почему, то я поясню. Перед первым концертом во Владивостоке на репетицию пришел человек в штатском и предупредил: "Улыбаться, но не общаться".

Мы покорно следовали этому ценному указанию. Особенно были напуганы "беженцы". Но один "наш", а именно конферансье Юрий Благов решил: "Мол, пусть иностранцы рознеровские боятся, а я советский человек".

Это было в январе 1943 года, и ровно через месяц, как раз в мой день рождения, 18-го февраля, когда два наших вагона стояли на каком-то полустанке в голых сопках, без электричества и воды, а с океана дул девятибалльный ветер, мой сосед по купе Алеша Семенов поздравил меня и сказал, что кроме холодного ветра ничего не может мне подарить, к нашему вагону неожиданно подъехала легковая машина. В вагон вошли двое в военных полубубках и направились прямо

в купе Юрия Благова. Был произведен короткий обыск. В его чемодане лежали американские консервы. Юра готовил посылку родителям. Если бы эти двое вскрыли любые чемоданы в наших вагонах, то американские консервы нашлись бы всюду. Базар Владивостока был заполнен ими. Все население города, как говорят в Одессе, "питалось с базара".

Нашего конферансье попросили одеться и спуститься к машине. Я посмотрел в эту минуту на Рознера. Он был смертельно бледен. У него дрожали губы и руки. Все вокруг молчали. Только наш администратор набрался смелости и спросил:

— Товарищ Благов к вечеру вернется или выступать без него?

— Выступайте без него. — ответил один из "гостей". Напомню, это был день моего рождения и вечером я получил неожиданный "подарок". Рознер попросил меня участвовать в необходимых мини-сценках, заменив Юрия Благова, а наш администратор объявлял вместо него названия номеров. Наш администратор — старый польский интеллигент, некогда учившийся в русской гимназии в Варшаве.

Так я стал музыкантом-артистом, а потом стану музыкантом-автором песен. Рассказ об этом еще предстоит.

А сейчас на очереди эпизод из Владивостокских воспоминаний:

Однажды с женой нашего солиста, гитариста Луи Марковича, Ирен заговорил на улице очень симпатичный молодой человек. Узнав, чья она жена, он предложил подвезти Ирен до гостиницы. По дороге молодой человек говорил, что он поклонник джаза и очень хотел бы ближе познакомиться с артистами, ну, и пригласил ее с мужем отобедать в ресторане гостиницы. Ирен позвала мужа, а заодно и его друга-скрипача с женой. Необходимо отметить, что жена скрипача была "наша". Обед, как выражаются дипломаты, прошел в дружеской обстановке. За обедом еще выяснилось, что молодой человек, пригласивший всех на обед, никто иной как сын китайского дипломата.

На другой день Ирину и Луи вызвали "куда следует" и спросили:

— Почему вы жаловались, что вам плохо живется в Советском Союзе?

Ну а потом, как говорится, на первый раз отпустили. Тут надо еще отметить, что скрипача с "нашей" женой куда не вызывали!

Во всех городах Дальнего Востока, включая Читу, главным и массовым зрителем на наших концертах были солдаты, офицеры и генералы. Стояла большая армия, готовая отразить нападение империалистической Японии.

Армейские начальники в Улан-Удэ и в Чите не раз предлагали Рознеру поехать с концертами во Внешнюю Монголию. Рознер, конечно, давал согласие, и на этом все заканчивалось. В Хабаровске было

приглашение выступить на Южном Сахалине. И опять согласие, и опять тишина. Музыканта-беженца уважали, признавали, но не доверяли его анкетным данным. "Не наш!"

Теперь настало время поподробнее рассказать и о некоторых "не наших". В первую очередь о супруге Эдди Рознера Руте Каминской. Это была отличная драматическая актриса, дочь знаменитой еврейской актрисы Иды Каминской, знакомой нам по чешскому кинофильму "Магазин на площади", в котором она играла главную роль. Рута получила отличное разностороннее образование и воспитание в Варшаве, владела несколькими языками и с легкостью прибавила к ним русский. В джазе Рута исполняла песни в стиле дизэс, что значит "разговор на музыке"...

Рознер, могу смело сказать, обожал жену и относился к ней с рыцарским вниманием.

Они познакомились в начале войны, что вполне естественно, в варшавском бомбоубежище. И уже больше не расставались.

Конечно, Эдди был очень яркой мишенью для женских глаз и не всегда умел отражать их горячие стрелы, но Рута в силу врожденного благородства ничего никогда "не видела" и следовала чуть измененной концепции Цезаря: "Муж Руты Рознер вне подозрения".

Сейчас Рута Каминская с дочкой и внучкой живут в Нью-Йорке. И я буду счастлив, если эти мои беглые воспоминания попадут им на глаза.

Не могу не вспомнить и о той неожиданно интересной творческой дружбе, что завязалась у меня с братьями Альбертом и Метekom Гаррисами. Первый — певец, композитор, второй — великолепный пианист, аранжировщик.

Волею случая я попал на жительство в одно купе с этими милыми братьями и получил возможность ближе узнать их. Вот говорят: чтобы поссорить двух друзей, надо поселить их на месяц в одну комнату. Мы жили втроем в самой маленькой "комнате" почти полгода и наоборот — подружились.

Сначала о Гаррисе-композиторе. Самое удивительное, что он не знал нот! И, конечно, не мог сам записать мелодии, которые у него рождались. А рождались они у него очень часто. У Альберта было врожденное чувство музыкальной формы. Все, что он начинал напевать, сразу становилось законченным музыкальным фрагментом — в восемь или шестнадцать тактов. Он не сочинял, не конструировал музыку. Не выводил ее, как некоторые композиторы, из гармоническо-математического лада. Его музыка рождалась сама. Она возникала из его сиюминутного состояния или настроения.

Происходило это примерно так. Вспоминаю: ночь. Вагон мерно катится. Я сквозь сон слышу, как Альберт вдруг начинает вертеться на своей нижней полке. Затем садится, задумывается и вдруг начинает что-то мурлыкать. Сначала смутно, неопределенно и невнятно. Потом уже определенно напевать, согласно кивая головой. Я притворяюсь спящим. Еще несколько секунд — и он овладевает мелодией. Поет ее уже внятно и в нужном ритме.

Затем, гордо подбоченясь, Альберт обращается к спящему на верхней полке брату.

— Метек!

Тот тут же просыпается и, как эхо, отвечает:

— Цо ест?

— Слухай! — говорит старший брат тоном человека, открывшего нечто великое. Далее тепло, задушевно исполняет новую мелодию.

Окончив петь, Альберт спрашивает:

— Добра ест?

— Доора! — отвечает Метек.

— Тогда запишь! — приказывает Альберт и зажигает свечку Метек сначала ищет очки, потом нотную бумагу, карандаш и, записав песню, спрашивает:

— Я могу теперь спать?

— Можешь! — милостиво разрешает старший брат и, задув свечу, еще долго ворочается и вздыхает на своей полке.

Братья очень трогательно относились друг к другу. Причем младший был действительно младшим во всех вопросах творчества и быта.

Однажды мы втроем решили кутнуть, то есть вдоволь поесть. На рейсовые карточки того времени выдавали в офицерской столовой очень жидкий обед и, если что-то не добавить к нему, голод тут же давал о себе знать. Итак, мы решили самолично сотворить обед. Запаслись для этого мясом и картошкой на базаре. Затем одолжили у сторожа Дома офицеров большую кастрюлю, развели во дворе костер, ну и так далее. Альберт с большой деревянной ложкой в руках руководил операцией, а Метек и я подносили и бросали в костер сухие ветки и щепки.

Через некоторое время по всему двору разнесся давно забытый нами запах тушеного мяса. Вы можете себе представить, как мы ждали конца этого священнодействия?! Когда стало ясно, что вот-вот все будет готово, Метек сказал, что пойдет зачем-то в библиотеку. А библиотека, прошу запомнить, находилась на втором этаже Дома офицеров. Мы же все жили на третьем этаже. Через некоторое время Альберт попробовал волшебным пахнущим варевом и безапелляционно произнес:

— Готово!

Дальше все произошло, как в хорошей американской комедии. Взяв в одну руку свой носовой платок, а в другую — мой носовой платок и обхватив горячую кастрюлю, Альберт осторожно понес ее сначала через двор, а потом по лестнице к нам на третий этаж. Я шел сзади, моля небо, чтобы наш главповар не споткнулся. Нет, Альберт не споткнулся. Но, когда он проходил лестничную клетку второго этажа, где, как вы помните, находилась библиотека, дверь неожиданно открылась и хлестко ударила по кастрюле, которую Альберт, конечно, не удержал. В открытых дверях стоял бледный как смерть Метек. Альберт его не видел. Он смотрел на лежащую вверх дном кастрюлю и на дымящееся, продолжающее аппетитно пахнуть жаркое. И только в этот, единственный раз братья забыли, что они братья!

Они ругались жестоко. Хотя никто не был виновен. Опять вмешался господин Случай! Дверь ведь могла открыться секундой раньше или секундой позже. И тогда бы долгожданное пиршество состоялось! А так?! А так мы пошли, как обычно, в офицерскую столовую и, как назло, обед в этот день был беднее обычного.

Моя дружба с Альбертом Гаррисом вскоре стала творческой. Он как-то застал меня за сочинением лирического письма. Я действительно его сочинял, так как был влюблен и пытался выразить свои чувства стихами. Узнав, что я занимался стихосложением еще со школьной скамьи, Альберт произнес знаменательную для меня фразу:

— Зачем стихи просто так? Попробуй писать для пользы...

Короче, мне предложили подтекстовать несколько готовых мелодий. Первая песня "получилась". Альберт спел ее в концерте. А я получил поздравления от самого Эдди Рознера, который наиграл мне свою мелодию, и через несколько дней прозвучала еще одна песня на мои слова. Так и хочется сказать: "Окрыленный успехом..." фраза банальная, но я действительно "окрылился"! Чуть позже появились шлягеры, твердо вошедшие в наш репертуар: "Мандолина, гитара и бас", "Хорошо в степи скакать", "На полянке", "Зачем смеяться?", "Ты не хмурься, дорогая", "Мерилу", "Останься", "Может быть, он некрасивый", "Чей парень ты?" Некоторые из этих песен и сейчас звучат в эфире. Спасибо им — солнечным зайчикам далекой юности!

Много километров пробежали наши, арендованные у войны, джаз-вагоны по Дальнему Востоку и Восточной Сибири... Станции, полустанки, тупики и многолюдные вокзалы... Сцены всех категорий — от Дома Красной Армии до городского театра и заводского клуба.

Переезды короткие и долгие. Иногда по трое суток. А чем занимаются артисты во время длительного переезда? Кто чем! Рознер играл в карты — азартно, вдохновенно, забывая о сне и еде.

Но он также азартно и вдохновенно играл на трубе или скрипке.

Я забыл рассказать, что Рознер был и скрипач. И не просто скрипач. Поначалу скрипка была его основным инструментом, он берлинскую консерваторию окончил по классу скрипки с золотой медалью. А труба — это второй, побочный инструмент. Когда же до Европы докатился джазовый бум, то Рознер отложил скрипку и всерьез занялся трубой. За рекордно короткий срок он стал джазовой знаменитостью. Великий Луи Армстронг прислал Рознеру свою фотографию с надписью: "Белому Луи Армстронгу". Неизвестно, как бы сложилась карьера Рознера-трубача в Европе. Можно предположить, что очень успешно. Однако, война продиктовала свой сценарий, о котором вы уже знаете.

Итак, вернемся в наш джаз-вагон, где играет необычный диксиленд: труба-скрипка — Эдди Рознер, гитара — Луи Маркович, вокал — Лотар Лямпель. Звучат то динамичные, то сладкие импровизации популярных джазовых мелодий. Меняются ритмы, тональности, гармония, форма: то трехголосный хорус, то замысловатое соло трубы под аккомпанемент гитары. А ударные инструменты успешно заменяет бесконечный стук колес.

Однажды в самый кульминационный пик звучания диксиленда раздался, как гром среди голубой гармонии негритянской песни, мощный русский вопль: "Э-эй, ухнем!"

Диксиленд оборвался. Наступила тревожная тишина. Даже колеса вагона застучали как под сурдинку. Этот неожиданный диссонанс произвел наш новый контрабасист Иван Муравьев. Он не был поклонником джаза и вот выразил это таким образом.

В дальнейшем Иван, будучи хорошим музыкантом, вошел в программу, прижился, полюбил джаз. А Рознер иногда в концерте перед тем, как дать знак к началу, тихо спрашивал Ивана: "Ну, как?.. Ухнем?!"

В оркестре был еще один прекрасный неджазовый музыкант — это лауреат международного конкурса скрипачей — Арнольд Гольдбергер. Он окончил консерваторию в Вене перед самой войной, но остаться в Вене ему, как польскому гражданину, не разрешили. "У нас своих безработных музыкантов хватает", — сказали ему.

Но Арнольд не уехал из Вены и тайно играл в маленьком кафе. Как-то раз его "заслушался" некий меценат, пригласил к столу, стал расспрашивать обо всем, и бедный лауреат "раскололся". Выложил доброму человеку всю свою историю. А меценат оказался тайным агентом муниципалитета.

И снова предписание покинуть Австрию в двадцать четыре часа.

Арнольд вернулся в Польшу за несколько дней до прихода туда

гитлеровцев. Польша объявила тотальную мобилизацию. Как мне рассказали польские музыканты, некий большой военначальник, выступая в те дни по радио, гордо заявил: "Ни одна пуговица не упадет с мундира польского солдата!" А в это же время немецкие войска уже подходили к Варшаве.

Арнольда забрали в солдаты, отправили на фронт, и через полчаса он уже очутился в плену. Ночью его допросил фашистский офицер и одному из своих солдат приказал:

— Отведи этого жида в лес и прикончи.

Арнольд отлично знал немецкий язык. Ведь он учился в Вене.

И вот, Арнольд в сопровождении немца идет в сторону леса. О чем он думал в эти минуты? Перед ним промелькнула вся его жизнь, его родители, школьные товарищи и, наконец, венская консерватория. Он мысленно прощался со всеми и с любимой скрипкой, которую он уже никогда не возьмет в руки.

Арнольд, рассказывая свою трагическую историю, никак и никогда так и не смог объяснить: почему он в ту страшную минуту стал насвистывать мелодию скрипичного концерта Мендельсона? Ни вальс, ни танго, ни колыбельную песню, в конце концов... А именно ведущую мелодию скрипичного концерта.

Немецкий солдат тут же спросил:

— Откуда ты знаешь эту музыку?

Арнольд ответил, что он скрипач. Следующие вопросы и ответы легко себе представить:

— Где учился? Когда?.. У кого?

После последнего ответа немец зажег карманный фонарь и, рассмотрев лицо Арнольда, бросился его обнимать.

Да, да! Господин Случай! — Они вместе учились в Вене у одного и того же профессора.

Немецкий скрипач показал своему однокашнику нужное направление, и Арнольд нашел расположение польских войск.

Дальнейшая его судьба схожа с судьбами других польских беженцев. Отступление на Восток. Переход советской границы и эвакуация в Среднюю Азию.

Лауреат международного конкурса скрипачей играл в джазе Эдди Рознера... вторую скрипку! — Он тоже не воспринимал джаз.

А вот еще один необыкновенный, вернее, странный, скрипач, о котором я уже говорил, это — Павел Гофман. Странный потому, что был незаурядным комиком.

Представьте себе обаятельного круглолицего, совсем лысого человека, с обширным животиком, но при этом умеющего делать батман. Павел участвовал в конференсе и был душой концерта. Кроме того, он

Бегу. Вот его дом. Знакомая дверь. Звоню.

Если вы помните, Эмиль при малейшем волнении начинал заикаться? Бедный Эмиль! Узнав, что у меня всего полчаса времени, мой милый дружок получил как раз тот необходимый заряд волнения, чтобы начать заикаться и ни на один мой вопрос не ответить.

В конце концов мы обнялись, расцеловались, и я помчался на Казанский вокзал. Поезд на Рязань отправлялся в 11 часов.

Я прибежал за семь минут до отхода поезда и начал спрашивать всех подряд — на какой платформе рязанский поезд? Никто ничего не знал, и только одна пожилая железнодорожница ответила:

— На Рязань только по четным, а сегодня тринадцатое — нечетное.

Еще господин Случай! Тринадцатое — это же мое любимое число!

Теперь директор разрешил мне выйти в город до вечера. Я получил возможность побывать дома. Там было все в порядке, если не считать, что соседи платили за квартиру, продавая мое постельное белье. Но — это мелочи!

Рязань отменили. Вообще, когда Рознер узнал, что джаз случайно оказался в Москве, он обратился к нашему доброму ангелу Пономаренко, и тот разрешил джазу не ехать в Рязань, а организовать гастроль в Москве. Тем временем польская дивизия имени Костюшко без нашего джазового напутствия ушла на фронт и уже в октябре сорок третьего получила боевое крещение под Ленино. А мы в еще закрытой Москве тоже выступали успешно. В этот раз трио "Мандолина, гитара и бас" получило эстрадное крещение.

В конце ноября сорок третьего года был освобожден Гомель и правительство БССР переехало туда, так как в Минске еще хозяйничали оккупанты. Гомель был почти весь разрушен. Наши джаз-вагоны стояли на запасных путях станции. Концерты проходили с неизменным успехом. Зрители, в основном, — фронтовики и партизаны.

Однажды ведущую группу артистов джаза пригласили в ставку штаба партизанского движения. Пришел автобус с затемненными окнами. Ехали мы недолго, и вскоре нас встретил Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко. Мы провели с ним почти три часа. Его беседа состояла из перечисления захватывающих фактов борьбы белорусских партизан с гитлеровцами и их помощниками-полицаями. Это и уничтожение минского гауляйтера, родственника Гитлера, фон Кубе, и исполнение приговора над главным редактором фашистской газеты на русском языке, и ежедневные диверсии: взрывы железнодорожных путей, станций, цистерн...

Немцы со свойственной им аккуратностью ежедневно отправляли сводки происшествий в Берлин, но и в штаб Пономаренко эти сведения поступали с такой же аккуратностью. Четкая работа партизанской

разведки! К тому же, пока Пантелеймон Кондратьевич беседовал с нами, ему дважды звонили из Варшавы и Пинска, то есть из глубокого немецкого тыла.

Когда Пантелеймон Кондратьевич выходил к параллельному телефону, мы по-очереди рассматривали лежащую на столе массивную зажигалку и читали надпись на ней: "Джозефу Сталину от фирмы Паккард". Вот это да! Но не утащил же он у Сталина эту зажигалку!

Рядом с кабинетом Пономаренко находилась его комната отдыха, в которой стоял... бильярдный стол. Игра на бильярде была любимым отдыхом начальника штаба партизанского движения и первого секретаря ЦК БССР.

Заканчивая прием, Пантелеймон Кондратьевич спросил нас про житье-бытье наше. Ну, мы не стали стесняться и сказали все: артисты не имеют, как и все беженцы, крыши над головой. Плохо с одеждой, инструментами...

— Поможем! — сказал Пономаренко и буквально на другой день вышел приказ Совета Министров БССР: "Оказать материальную помощь джазу БССР". Нас пригласили в огромный ангар, заполненный, как сейчас говорят "гуманитарной помощью" из США и Англии. Помощь была оказана царская. Весь коллектив, включая жен и детей, одели во все "заграничное"! Это был праздник для сильно обносившихся артистов. Вечером того же дня состоялся "правительственный" концерт. Успех был большой. Многие номера бисировали. В том числе и наше трио. А на другой день джаз выехал на мощном студебеккере в город Овруч, в расположение 1-го белорусского фронта, командующим которого был Рокоссовский.

Концерт состоялся в небольшом клубе, зрительный зал имел в середине большой проход. И в этот проход на уровне первого ряда был поставлен стул для Константина Константиновича. Он сидел, положив ногу на ногу, прямой и спокойный, не реагируя, не улыбаясь, не аплодируя...

В антракте Рознер был почти в нервном припадке:

— Рокоссовскому ничего не понравилось... я не могу играть... он не хочет слушать!..

И как раз в этот момент за кулисы пришел адъютант командующего со словами:

— Константин Константинович просил передать, чтобы вы не обращали на него внимания. Он никогда не улыбается и не реагирует. А концерт ему очень нравится...

Настроение Рознера заметно улучшилось и второе отделение прошло на подъеме. Как только закрылся занавес, на сцену поднялся сам Рокоссовский. Он лично поблагодарил Рознера, пожал ему руку и извинился за хриплый голос. Горло его было забинтовано.

Впоследствии Рознер часто с гордостью вспоминал встречу в героем Великой Отечественной войны, командующим парадом Победы маршалом Советского Союза и, в будущем, маршалом Польши — Константином Рокоссовским.

В начале 1944 года авторитет и популярность Эдди Рознера еще больше возросли. Гастроли на Украине и в Закавказье прошли триумфально. В Тбилисской консерватории подряд шестьдесят аншлагов. То же и в Баку. А в Ереване кто-то из поклонников Рознера за одну ночь на всех афишах любовно приписал к имени Эдди букву "К", чтобы получилось "ЭДДИК": "ЭДДИК" Рознер. Эдик — одно из популярных ласковых армянских имен.

Друзей и поклонников у Рознера было очень много, некоторые из них в разное время работали с ним. В основном это были молодые джазисты, ставшие впоследствии известными музыкантами. Всех назвать невозможно. Но вот несколько имен: Арно Бабаджанян, Константин Орбелян — в Ереване, А. Добрушкес, Тофик Кулиев, Пира Рустамбеков, Тофик Ахмедов — в Баку, Константин Певзнер, Гюли Чохели, Вахтанг Кикабидзе — в Тбилиси, Владимир Терлецкий, Борис Рычков, Вадим Людвиговский, Юрий Саульский — в Москве, Анатолий Кальварский — в Ленинграде.

Как я уже говорил, программа джаза отшлифовалась. Оглядываясь на свой опыт, могу утверждать и доказать, что самый лучший режиссер и критик — это зрительный зал. Аплодисменты и улыбки слушателей подсказывают, что и где надо улучшить, что и где сократить. В результате создавался проверенный на публике номер или песня.

Успех выступлений был всюду исключительный. Появились яркие шлягеры. После финальной песни, как правило, публика не уходила. Наоборот, зрители с последних рядов бежали вперед. Заполняли все проходы и все пространство перед сценой. Занавес закрывался и вновь открывался, но аплодисменты не прекращались. Тогда конферансье объявлял:

— Начинаем третье отделение!

Его слова усиливали овацию. Появлялся Рознер и вместе с оркестром исполнял несколько своих номеров. А затем снова звучала финальная песня. И вот настало время записывать грампластинки. Три полных рабочих дня в доме звукозаписи на улице Качалова. Но один день оказался неполным. Кто-то прибежал в студию и прервал запись:

— По Москве ведут пленных немцев!

Мы выключили микрофоны и бросились на Садовую. Колонна пленных приближалась со стороны площади Маяковского. Это было впечатляющее зрелище. Впереди — генералы и старшие офицеры, далее — солдаты. Ряды, ряды, ряды... Немцы двигались, соблюдая

точный ритм и строй. Затылок в затылок. Очень редко кто-нибудь из них поворачивал голову и бросал быстрый взгляд на сурово молчаливые толпы москвичей, со стороны которых не было ни оскорбительных выкриков, ни каких-либо действий. Необычная процессия и гордое презрение вокруг. Вслед за последней колонной следовали автомашины, поливающие асфальт дезинфицирующей жидкостью.

Мы вернулись в студию, где меня поджидала неприятность: несколько записанных уже песен на мои слова не пропустил худсовет. Причина — иностранный акцент исполнителей... А через день — выезд на долгие гастроли. Мое горе-печаль попытался развеять директор Дома звукозаписи:

— Не все потеряно... я сейчас позвоню в один дом и, если застану там одного хорошего человека, то все будет, как угодно худсовету.

— Какой дом? Какой хороший человек?!

Печаль моя не развеялась, но человек пришел. Это был невысокого роста солдат в старых кирзовых сапогах и в выцветшей гимнастерке.

Солдат потребовал ноты и тексты. Затем сам переписал и то и другое на одну нотную строчку и весело сказал:

— Давайте разок прорепетируем.

Все удивились, а когда прорепетировали, то удивились еще больше. Солдат отлично спел, как говорят музыканты, "с листа". Чуть позже мы узнали его имя. Это был Георгий Виноградов, известный еще до войны певец. Во второй половине дня все "зарезанные" худсоветом песни были записаны, а спустя некоторое время вышли в свет. Многие из этих записей и сейчас звучат в радиопередачах.

3 июля 1944 года был освобожден Минск и джаз БССР, конечно, выступил там в первые же дни. Минск был весь разрушен. Чудом сохранилось здание Дома правительства, Оперный театр и еще несколько домов.

Жили наши оркестранты в девяти километрах от города в большом двухэтажном особняке. Артисты-беженцы впервые за всю войну получили отдельные комнаты в нормальных условиях, с большой общей кухней и еженедельным автобусом до городского базара и обратно. Как дома! Ходили друг к другу в гости. Живи и радуйся. Но нет, снова гастроли и снова Закавказье. Первый город — Тбилиси.

В этом месте повествования я должен сделать короткое лирическое отступление и сказать, что в городе, в патриархальной грузинской семье прошло мое школьное детство. Моя мать — Тамара Георгиевна Мачабели, грузинская княжна, добрая мягкая женщина — воспитывала меня легко, без нажима и принуждения, вопреки строгой бабушке-княгине, урожденной Цицишвили и еще более строгому дедушке — полковнику царской армии князю Георгию Мачабели. Но я, от-

прыск этого довольно древнего рода, рос несколько в других традициях — пионерский отряд, улицы старого Тифлиса, река Кура, Черепашье озеро, гора святого Давида... Я стеснялся своего непролетарского происхождения — такое было время, и ни в каких анкетах об этом не писал, благо фамилия мне досталась отцовская, хотя и он был поручиком старой армии. За что и отсидел потом в лагерях с 37-го по 47-й год.

Лирическое отступление на этом заканчивается, но, вспомнив о школьных годах в Тифлисе, я должен сказать несколько слов об известном в то время артисте тифлисского оперного театра, которого знал весь город. Звали его почему-то Тузик. По велению великого господина Случая имя его вплетается в наш сюжет. Только, став взрослым, я понял, почему мы — мальчишки, подражая дурному примеру взрослых, бегали за Тузиком и дразнили его: он был, как теперь это деликатно называют, "голубым".

— Тузик-тузик, где ты был? — кричали мы ему вслед. А он без особой злобы гонялся за нами и кидался камнями.

В программе джаза была музыкальная сценка "Где Тигр?" После объявления этого номера, Павел Гофман подбегал к микрофону и "рычал". А Рознер, стоявший рядом, спрашивал:

— Это тигр?

Гофман отвечал:

— Да!

Затем исполнялся номер. Публика на эту шутку не реагировала, и однажды я предложил Гофману: На вопрос "Это Тигр?" ответь: "Нет, это Жучка!"

В таком виде шутка стала восприниматься и осталась в репертуаре. Когда же приехали в Тбилиси, то я решил несколько реформировать ее. Вместо "Нет, это Жучка!" надо сказать: "Нет, это Тузик!" Жучка — это российская собачка, а здесь больше знают собачью кличку "Тузик". Так я посоветовал Гофману и даже отдаленно не предполагал, какую бомбу подложил я под него. Когда Павел произнес: "Нет, это Тузик!" — зал взорвался криками, хохотом и аплодисментами. Первым испугался Рознер:

— Что ты сказал? — спросил он по-немецки Павла.

— Я не знаю...

Зрители продолжали кричать и аплодировать. Тогда Гофман обернулся ко мне:

— Что я сказал?

Я ничего не мог ему ответить, потому что смеялся вместе со всеми. Я не предполагал, что спустя шестнадцать лет имя "Тузик" способно было вызывать столь бурные эмоции.

В общем, "Жучка" снова вернулась в программу, и гастроли продолжались. Через двенадцать лет в этом же городе во время наших

гастролей тоже произошло некое событие, но далеко не такое веселое. Для этого надо проехать еще через несколько городов. Но все по-порядку.

Новый, сорок пятый год, мы встречали в заснеженном Батуме. Нет, я не оговорился. В последний день старого года в Аджарии случился снегопад, какой не помнили старожилы. Почти полуметровый слой влажного субтропического снега лег на пляжи, бульвары, на бедняжки пальмы и, что удивительно, им шел этот неожиданный наряд.

Южный курортный городок — без курортников!.. Тишина и простор, а над холодным морем — июльская гроза с громом и молниями. Необычайные контрасты этой батумской зимы запомнились еще и тем, что у Рознера, навеянная морской романтикой, родилась очаровательная мелодия, а я написал стихи для ее тангообразного ритма. Мы назвали эту песню "Мерилю". Сюжет прост: моряк уходит в море. Он грустит о любимой. Вспоминает где-то в чужом порту ее глаза и мечтает вернуться к ней уже навсегда.

Первое исполнение песни "Мерилю" совпало с концертом в клубе моряков. Пел Лотар Лямпель. Пел, умело передавая мужскую, мужественную грусть, и имел заслуженный успех.

Но меня буквально потрясло неожиданное участие в его исполнении самого Рознера. Он встал чуть сзади певца, вскинул трубу, и зазвучал засурдиненный контрапункт: то как подголосок, то как самостоятельная ветвь мелодии, то как нежное наполнение между музыкальными фразами.

Через несколько лет в одной статье о творчестве Рознера как импровизатора будет написано: "Труба Рознера звучала, как человеческий голос. Умение этим мастером вносить бесконечно разнообразные импровизации в концы музыкальных фраз с использованием ритмических опережений поражало не только новизной, но и виртуозностью".

После Батума, перескочив все Закавказье с Запада на Восток, мы оказались в Баку. Это случилось за несколько дней до дня Победы. Описывать великое событие века не стану. Оно уже тысячекратно изображалось в кино, в прессе, во всех видах искусства. Единственно, что хочется описать, это необыкновенную, обнаженную радость музыкантов-беженцев. Для них в тот день открылась ослепительная надежда вернуться на родину. Все выходцы из Польши, включая Рознера и его семью, за два года до Победы вступили в Союз польских патриотов. Этот акт они расценивали, как сохранение польского гражданства, несмотря на свои советские паспорта и советские подданство. Польские музыканты с волнением готовились к встрече с солдатами и офицерами добровольческой дивизии имени Костюшко, куда, как Вам

известно, джаз БССР должен был приехать, но по воле случая не приехал.

Братья Гаррисы готовились, по-моему, усерднее всех и главный факт этого усердия была песня о Варшаве. Альберт вдохнул в эту мелодию и стихи всю боль разлуки с Родиной, всю любовь к Варшаве, светлую память о погибших родителях, светлую тоску по своему детству в родном доме.

К счастью, песня "Варшава" была им записана на польском языке и не попала под нож худсовета Дома звукозаписи. Потеряв возможность спеть эту песню лично бойцам дивизии Костюшко, Альберт сумел передать слова и музыку "Варшавы" в город Рязань и, конечно, песня стала неофициальным гимном дивизии, что приблизило появление очередного господина Случая!

Однажды, придя на очередной концерт, мы не досчитались двух артистов. Это были Альберт и Метек Гаррисы. Что-то случилось?.. Заболели?.. Опаздывают?! Нет! Они и на второй день не появились. А произошло вот что: несколько польских офицеров неожиданно сообщили братьям, что есть возможность улететь в Варшаву на военном самолете. На сборы два часа! Никаких виз и паспортов. Рейс служебный. Как же они могли не улететь?!

Утрата для джаза была заметная. Рознер поначалу метал громы и молнии, но потом успокоился. А вот чиновники из комитета искусств расценили этот факт как дезертирство. В дальнейшем мы называли этот государственный орган по-другому: Комитет "поделом" искусств!

Главный удар пришелся по песням! Тут же были запрещены все песни Альберта Гарриса. Следовательно, пострадал и я, как соавтор. Потом начальники смиловались: можно исполнять для успеха самые необходимые, но имя автора не печатать и не произносить. В последующих тиражах грампластинок ставили только имена авторов слов. Спасибо и на этом!..

В 1984 году редакция радиопередачи "Доброе утро" решила отметить сорокалетие звучания моей песенки "Мандолина, гитара и бас". Мне позвонила очаровательная Виолетта Акимова — литредактор и согласовала текст аннотации. Я, естественно, спросил, будет ли объявлен хотя бы автор текста песни и получил категоричное тому подтверждение.

Наступило желанное воскресенье и... песня прозвучала... без авторских имен, просто, как народная. Я позвонил в редакцию. Виолетта Викторовна была крайне смущена, и объяснила мне, что это главный редактор принял соломоново решение: если один автор запрещен, то и другого называть не надо, чтобы слушатели чего не заподозрили. Что-

бы у них не возник вопрос: а почему?

И только в 1988 году, когда появилась возможность выпускать "Антологию советского джаза" в грамзаписи, появились и диски джаза Эдди Рознера. Так и хочется в этом месте встать со стула и громко крикнуть "Спасибо родной партии и советскому правительству!"

Победное окончание войны неожиданно изменило и творческие планы джаз-оркестра. Нас срочно вызвали в Ленинград и доверили создать при параллельных выступлениях в эстрадном театре "Сада отдыха", развлекательную, жизнерадостную, достойную Победы, концертную программу, чтобы дать людям отдохнуть и отвлечься.

— Только Эдди Рознер может сделать такое. Мы ему верим, — заявил важный чиновник из все того же комитета "поделом" искусству. — Любые затраты, любые декорации и костюмы, лучшие композиторы и драматурги, лучшие художники и балетмейстеры!

Получив такое "правительственное" задание, мы взялись за работу! Уж что-что, а джазовое, зрелищное и не идеологическое шоу Рознер действительно мог создать.

Работа закипела. В постановочной группе были: композиторы и оркестровщики — Э.Рознер, Ю.Бельзацкий, В.Людвиковский, Т.Кулиев, А.Добрушкес, авторы текстов песен и интермедий — В.Масс, М.Червинский, Н.Лабковский, В.Винников, Ю.Цейтлин, художник — С.Мандель, балетмейстер — К.Голейзовский. Костюмы и декорации были выполнены мастерскими театра оперы и балета имени Кирова. Внушительная команда.

В середине июля сорок пятого года состоялась премьера этого эстрадного представления под титулом "Вот мы и празднуем!" Воспользуюсь общеизвестным выражением, потому что просто высказанная мысль — самая точная: "Успех превзошел все ожидания!" Свидетелями этого успеха были все, кто успел посмотреть это представление, так как (еще одно банальное выражение!): "Не долго музыка играла!"

В представлении "Вот мы и празднуем!" все было необычно, неожиданно и выдуманно как бы заново. Ну, вот, хотя бы начало: никаких шумных, синкопированных взлетов меди, предвещающих обычно нечто грандиозное и торжественное. Наоборот, — еще до открытия занавеса звучала сладкая, мягкая, нежная мелодия — "Серенада Тоссели".

Здесь я должен остановиться и рассказать историю этой волшебной музыки, как мне ее поведал Эдди Рознер: Тоссели — молодой скрипач — играл в маленьком ресторанчике какого-то итальянского города. Однажды его увидела и услышала дочь влиятельного вельможи. Девушка влюбилась в юного скрипача и он, конечно, не остался равнодушен. Влюбленные тайно встречались и тайно произвели на свет очаровательную девочку. А что было дальше — легко догадаться: гнев

свирепого отца, который сумел, не поднимая шума, разлучить влюбленных. А еще сумел выслать юного скрипача на далекий остров, как у нас недавно говорили: "без права переписки". Тоссели никогда больше не увидел ни свою любимую, ни свою дочь. И, тоскуя по ним, написал это любовное излияние, которое стало достоянием музыкантов всего мира и получило название "Серенада Тоссели".

Так вот, я прервал свой рассказ о новой программе джаза на том, что за кулисами, при закрытом занавесе звучит исполняемая Эдди Рознером на скрипке волшебная музыка Тоссели с легким сопровождением. Занавес медленно раздвигается, и перед нами — уходящая за горизонт голубая равнина моря. В середине сцены балюстрада, облокотясь на которую, спиной к зрителям стоят, слушая скрипку, музыканты. Инструментов не видно — они прижаты к груди каждого музыканта. И вдруг на фоне моря возникает силуэт Рознера уже с трубой. И мелодия серенады продолжается на трубе. Мне всегда казалось, что труба Рознера звучит нежнее скрипки.

Последний такт мелодии и взрыв!.. Музыканты молниеносно поворачиваются лицом к зрительному залу. В руках у них возникают инструменты, и зал колышет свинговый хорус — неожиданный и ошеломляющий.

На авансцену выходит ослепительный Эдди Рознер... последние музыкальные фразы вместе с оркестром и... гром аплодисментов! Так начиналась программа "Вот мы и празднуем!"

Также тщательно были продуманы и поставлены другие музыкальные и балетные номера. Опишу только один из них. Представьте себе арию Надира из оперы Бизе "Искатели жемчуга" в блюзовой аранжировке. Сцена "загримирована" под морское дно. На переднем плане огромная раковина. Откуда-то сверху спускается "искатель" жемчуга. Эту роль исполнял артист Михаил Чайковский. Он находит раковину. Открывает ее и оттуда вместе со снопом света появляется прекрасная жемчужина — танцовщица Лидия Чайковская. Они исполняли акробатический танец. Жемчужину поднимали со дна моря на радость людям.

В этой программе исполнялась моя новая песенка на музыку Вадима Людвиковского. Называлась она "Джону было восемь лет". Пела ее и ежедневно бисировала Рута Каминская. По музыке это был типичный свинг, что было большой редкостью в то время. У меня всегда были готовы экземпляры текста этой песенки, потому что каждый раз после концерта кто-нибудь из зрителей обязательно просил его.

Года три тому назад мне позвонил мой любимый артист, клоун Юрий Никулин, и попросил продиктовать текст песни "Джони". Я удивился. Оказывается, Юрий Владимирович помнит эту песенку и

спустя сорок пять лет поет ее своей внучке. Но вот беда, точный текст не знает и каждый раз что-то сам допридумывает. Его звонок был вызван жалобой внучки: "Деда, а ты вчера пел по-другому!"

О программе "Вот мы и празднуем!" можно рассказать еще очень много и, прошу вас поверить, что она была отличная. Джаз вообще никогда не испытывал недостатка зрителей, а тут было паломничество!

После Ленинграда мы привезли это праздничное шоу в Москву. Билеты были распроданы на месяц вперед. Ежедневно и зрители и артисты получали взаимную творческую радость. В общем — работай и радуйся. Но, как оказалось, большие чиновники от искусства, заказавшие развлекательную программу, не знали, и не могли, наверное, знать, что сразу после праздника Победы великий вождь, учитель и друг всех народов где-то в узком кругу обронил многозначительную реплику: "Война кончилась, но народ надо держать в мобилизационной готовности".

Перестраховочный механизм тут же привел в движение марионеточные веревочки, и начались дергания и шарахания от всего, что вчера было нормально и общепринято. В газете "Известия" появилась разгромная статья, направленная против безыдейности, развлекательности и просто веселости нашей программы. Статья пестрела такими словечками и фразочками (цитирую по памяти): "Низкопоклонство", "Смех ради смеха", "Третьесортный трубач из кабака", "Главный юмор — лысина Гофмана".

Спустя двадцать лет я случайно познакомился с автором этой статьи Еленой Андреевной Грошевой. К тому времени она уже стала главным редактором журнала "Советская музыка". Поговорив и вспоминая с нею то злополучное событие, я удивился: как могла эта умная и образованная женщина с тонким музыкальным вкусом написать те ругательные, заведомо несправедливые строки?.. Ответ ее был прост:

— Нас вызвал товарищ Храпченко и дал установку... она касалась не только Рознера...

Даю справку: Михаил Борисович Храпченко — литературовед, академик, председатель Комитета по делам искусств.

Статья в "Известиях" подлила масла в огонь. Билеты на наши концерты раскупали и перекупали с еще большим энтузиазмом — прибавился элемент любопытства: "Поглядим, за что его так!"

Эдди Рознер был ошеломлен не столько газетной грубостью, сколько вероломством начальства: просили "создать", приняли, одобрили и вдруг — "третьесортный трубач!"

Новая комиссия в составе 22 членов заклеила "безыдейную раз-

влекательность", одоблив только "незападные", "неразлагательные", так сказать, произведения.

Гастроли прервали. Рознер поехал в Минск и обратился в ЦК БССР с просьбой о разрешении на выезд в Польшу. В этот раз Рознера принял адъютант Пономаренко полковник Абрагимов. Он внимательно выслушал заслуженного артиста БССР, опороченного в центральной прессе, посоветовал еще раз подумать, успокоиться и хорошенько отдохнуть.

Рознеру вручили две путевки в сочинский санаторий для того, чтобы он с женой отдохнул и пришел в себя.

А что с оркестром? Оркестр, по мнению начальства, может поработать без Рознера, но с идейным репертуаром. Через день мы получили список разрешенных произведений с подписями, печатью и резолюцией.

Итак, после разгромной статьи и цензурных истязаний мы выехали на гастроли. На наше счастье первым городом был Тбилиси. Этот город всегда с радостью встречал джаз Рознера, и это как-то успокаивало. Я в тот период занимал по совместительству должность то ли завлита, то ли помрежа, и поэтому директор нашего джаза потащил меня с собой к директору грузинской филармонии, чтобы торжественно заявить, как мы "исправились", осознали и привезли самый наипроверенный репертуар. О чем я очень красиво и горячо постарался начальству рассказать.

Директор филармонии Давид Кипиани выслушал меня. Потом взял брезгливо наш репертуарный лист двумя пальцами, отложил его в сторону и весело сказал: "Это там... в Москве... а нам нужен джаз!" Ну, и мы выдали все-все, что так понравилось ленинградцам и москвичам, и что так не понравилось перестраховщикам из Комитета "по делом" искусству.

Тогда же родилась у меня шутовская расшифровка слова джаз, словно это аббревиатура. Слева-направо как понимают друзья джаза: Динамично, Живо, Абсолютно Здорово. Справа-налево — недруги джаза: Заумные Абстрактные Жалкие Диссонансы. Они же слева-направо: Дешево, Жеманно, Аморально, Запретить! Мнение зрителей, слева-направо: Джаз Жмут, А Зря! Мнение обывателя, справа-налево: Зашел, Ахнул, Жаль Денег! Наше мнение слева-направо: Доходчиво! Жизнерадостно! Актуально! Занимательно! или справа-налево: Зритель Аплодирует, Жаждет Джаза!!!

Мы работали без участия Рознера и, конечно, успех был не такой. Хотя знакомые имена на афишах все же привлекали зрителей. Забавный эпизод случился в Кутаиси. Дирекция филармонии, боясь финансового провала, выпустила перестраховочную афишу: "Джаз БССР",

а в скобках "Бывший Рознер"... Я сохранил один экземпляр этой оригинальной афиши, но несколько лет спустя Эдди выпросил ее у меня.

Заканчивался 1945 год. По плану Рознер должен был появиться 2 декабря в Ростове-на-Дону, где мы в те дни находились. Но он не приехал и никаких известий от него не последовало. Азербайджанская филармония согласилась нас принять уже, как говорят, по второму разу. Новый, 1946 год, отпраздновали в Баку. Рознера не было. Москва и Минск молчали. Что было делать? — Попросились в Тбилиси.

Чтобы как-то оживить знакомую всем программу, мы придумали необычное начало: конференсье Юрий Благов перед открытием занавеса исполнял краткий монолог о том, что артисты джаза БССР очень рады вновь выступать в Тбилиси и что у него просто нет слов, как эту радость выразить... поэтому он приглашает на авансцену автора популярных песен Юрия Цейтлина, надеясь, что у него найдутся нужные слова. В этот момент выходил я и неожиданно для зрителей приветствовал их на... грузинском языке. Начиналась моя речь с известных каждому грузину слов: "Да здравствует кто пришел!" Ну, и далее в таком же духе. После первой же фразы — аплодисменты. Никто такого не ожидал. Затем Благов произносил семь стихотворных строк о том, что мы горячо любим Грузию и потому снова приехали. Восьмую же строчку заканчивал уже я по-грузински: "Потому что в Белоруссии сейчас зима, а здесь в Грузии тепло!"

Далее Благов говорил, что великие дружеские чувства вновь повлекли нас... А я добавлял опять же по-грузински: "Мы снова в Тбилиси, потому что здесь фрукты и чудесное вино, и самые красивые девушки!"

В общем, все старались, как могли, а Рознера все не было. Сборы стали падать. Настроение тоже. И вдруг... правительственная телеграмма из Москвы: "Снять с афиши фамилию Рознера"... Вы помните первую правительственную во Фрунзе? "Сохранить во что бы то ни стало!"

Все предчувствовали что-то неладное, но чтоб так?

Через несколько дней вторая телеграмма уже из Минска: "Расформировать джаз БССР". Ну, что же — разрушать не строить! Все разъехались. "Наши" — по домам, "не наши" — члены союза польских патриотов — во Львов. Там формировались эшелоны польских беженцев для отправления их на родину. Три семьи остались. Это — Павел Гофман с женой и сыном, Луи Маркович со своей женой и сыном, и семья Юрия Бельзацкого. Юру пригласила минская филармония, и дала квартиру.

Ну, а теперь надо рассказать, что же произошло с Эдди Рознером, его женой Рутей Каминской и дочкой Эрикой. Как вы помните, мы

расстались с ним в середине сентября. Оркестр выехал на гастроли без своего руководителя, и с афиши сняли фразу "при участии". То есть оркестр под руководством Эдди Рознера, но без него самого.

Рознер и Рута должны были отдыхать в Сочи, но они оказались во Львове, там, где собирались польские беженцы, выезжающие из Союза. Рознер решил пересечь границу нелегально. Рассказывают, что известная всему Львову дама открыто хвасталась: "Я устроила Рознеру выезд за десять тысяч!" Это одна версия. А вот вторая:

Рознер обратился к польскому представителю Дрезнеру, который занимался регистрацией бывших польских подданных, но поскольку регистрация будто бы была закончена, этот регистратор потребовал двадцать тысяч. Вот так! Дрезнер, получив деньги, уехал. А Рознер?

Думаю, что и без разглагольствования вышеобозначенной дамы, "кому надо", все было известно. Рознера арестовали до отправления эшелона. При нем оказался советский паспорт. Может быть, Эдди хотел посмотреть, как "там" и вернуться? Рута на другой день понесла мужу передачу и тоже оказалась за решеткой. Дочка Эрика, ей тогда было четыре года, оставалась у чужих людей, пока за ней не приехала из Москвы друг семьи Каминских Дебора Марковна Сантатур. Дебора, наверно, от слова "Добро"! Итак, заслуженному артисту БССР, музыканту с мировым именем Эдди Рознеру — 58-я статья и десять лет лагерей за измену родине. Какой родине? — Он родился в Германии!

Его жене, Руте Казимировне Каминской, — пять лет высылки в казахские степи, в город Кокчетав.

Как позже выяснилось, Рознера вынудили подписать заявление, в котором он признал, что хотел через Польшу выехать в США.

58-я! За что?! Да, они собирались нелегально уехать после того, как легально уехать им "не советовали". (Собирались, но ведь не уехали!) По справедливым законам Рознеру за нарушение паспортного режима могли дать максимум три года. Руте — два!

Громкое дело!.. Известное имя!.. И сам Лаврентий Берия, кстати, подлинный изменник, подписал постановление суда. И тут опять вмешался господин Случай! Как только Берия разоблачили, то все дела, им подписанные, стали рассматривать в первую очередь. Рознер к тому времени уже отсидел восемь лет. На этом его магаданская "гастроль" окончилась, и он в июле 1953 года, через три месяца после смерти Сталина, благополучно приехал в Москву, где его ожидала освобожденная жена и, уже школьница, дочь.

Рознер был подчистую реабилитирован и горел желанием снова творить и создавать. При первой же встрече он крикнул мне:

— Юрка, давай делать новый джаз!

Кстати, там, в магаданском лагере, у него тоже был джаз. Но это

было в лагере, за колючей проволокой! Там звучали инструменты, которые — об этом Эдди не знал — вслед за ним были "арестованы": саксофоны, аккордеоны, тромбоны. Даже само слово "джаз" было запрещено.

Если статья о Рознере в газете "Известия" была первым одиночным выстрелом, то уж потом загремела канонада. Стреляли из всех видов оружия по всем видам искусства. Началась великая отечественная "холодная" война. Внешний враг — США, а внутренний — все прогрессивное и "не наше"! Правда, Шостаковича, Прокофьева, Мурадели и многих других не отправили в лагерь, но пух и перья от них еще долго летели.

Поредели ряды литераторов, и вместе с главным "очернителем" Зоценко посшибали всех фельетонистов, куплетистов-сатириков и вообще весь, так называемый легкий жанр — эстраду и цирк. Искусство должно быть идейным? Пусть! Предположим певец поет песню "Широка страна моя родная". Здесь идея видна невооруженным глазом: воспевается любимая страна, ее природа и ее хозяин — простой советский человек.

А что делать, например, жонглеру? Он кидает и ловит разные там кольца, булавы... А зачем?.. В чем идея этого кидания? Развлекательство?! Я помню, как один хороший жонглер решил подбрасывать булавы, загрированные под атомные бомбы, но, конечно, не наши... упаси Бог! Бомбы империалистические. А меня он попросил написать ему для этого номера текст с таким смыслом: "Вот как они, поджигатели-капиталисты жонглирует бомбами и угрожают миру..."

Естественно, что многие служители муз сумели, используя то смутное время, набрать очки. Некоторые это делали под нажимом. Был, так называемый, "Госзаказ". Все к услугам заказчика! Заказчик платит!..

Я этому живой свидетель и помню, как в то мыслеопасное время руководство ВЦСПС проводило Всесоюзный смотр художественной самодеятельности, заключительный концерт которого состоялся на сцене Большого театра.

На одной из репетиций в Колонном зале Дома Союзов присутствовал главный хозяин — заведующий отделом культуры ВЦСПС Боян Степанович Ржанов. Он сидел в центре зрительного зала. Вокруг него культработники рангами ниже, а остальные — рядовые — то подбегали, готовые сообщить нечто экстренное, то убегали разносить высочайшие распоряжения и всевозможные ЦУ.

Объявили "Русскую кадрили" в исполнении танцевального коллектива "Трехгорки". Три бравых баяниста ударили по кнопкам... Но! Высокое начальство прервало танец. Наступившую тишину заполнил

зычный голос Бояна Степановича. Щурясь сквозь толстые стекла очков, он спросил:

— Что там белое в руках музыканта?

Это, Боян Степанович, такой белый баян...

— Убрать, немедленно убрать! — последовал грозный приказ. — Этот баян похож на аккордеон!

И убрали, вместе с баянистом. На этом же конкурсе оркестр "Веселые повара", которым руководил я, удостоился первого места. Но мне было приказано: "без саксофонов, аккордеонов и... тромбонов". Хотя во всех симфонических и оперных оркестрах тромбоны продолжали жить и поживать. Может быть, там не видно, как они эксцентрично двигают свои кулисы. А в джазе все инструменты, как на ладони. Ну, что ж, вместо аккордеона мой друг Слава Семенов взял баян. Саксофонисты играли только на кларнетах, тромбон заменили тубой.

Звучали мы отвратно, но зато без низкопоклонства перед Западом... Что поделаешь, на безджазии и сопелка — саксофон!

Все чудом сохранившиеся джазы были официально переименованы в "Эстрадные оркестры". Леонид Утесов шутил со сцены: "перед вами эстрадный оркестр — девичья фамилия джаз!" Но было не до шуток. Однако, не могу не рассказать еще об одном комическом факте.

В Дом звукозаписи нагрянула комиссия с заданием: проверить, не записывают ли в какой-нибудь студии оркестр с саксофонами. Вдруг какой-то самый прыткий член комиссии прибежал и сообщил:

— В студии "Б" записывают английский рожок!

Это особый вид гобоя.

— Как английский?.. Почему не русский?.. — заполошилась комиссия.

Должен здесь оговориться, может быть, это анекдот... я там не был. Но все равно, любой анекдот — примета времени! А время было такое...

Даже очень консервативное издание "Очерки об истории эстрады" стыдливо отмечает: "Джазовая музыка не была предметом осуждения, но ввиду ее "иностранного происхождения" она попала через некоторое время под обстрел — появилось множество статей и высказываний, порочащих ее. И вскоре все то, что отличало этот музыкальный жанр — импровизационные выступления солистов, ритмическая пульсация, тембровая активность, — было изгнано с эстрады".*

Кстати, во всех трех томах этого единственного солидного издания,

* "Очерки об истории эстрады" — , М.: — "Искусство", 1981 г., Т.3, С. 331

где фигурируют буквально все известные артисты, о Рознере — только справка, что "Фантазию на темы песен В.Мурадели и В.Терлецкого" и "Фантазию на темы песен В.Соловьева-Седого" В.Старостина исполнил оркестр Э.Рознера. Это на стр. 347. И еще: "Профессиональные эстрадные оркестры О.Лундстрема, Э.Рознера, Ю.Саульского, В.Людвиковского, И.Вайнштейна также принимали участие во многих фестивалях..." И это все! Раздел "Джаз на эстраде" занимает 47 страниц. Места хватило буквально для всех и выше перечисленных, и других, даже самых малоизвестных джазов. А тут — только два упоминания. Это почти за тридцатилетнюю успешную деятельность!

Если хотите, то и 8 лет лагеря Рознер работал, как музыкант, выступая перед "нашими" зеками, девяносто процентов которых были невинно осуждены.

Прилагаю выписку из лагерного документа: "З/К Рознер А.И. руководит джазом 3-го отделения. К своим обязанностям относится добросовестно. Имеет благодарность пункта № 2".

И еще. "30 января 1953 года. Рознер А.И. в течение 4 квартала 1952 года проделал большую работу. Оркестр сделал 57 выступлений."

Так что и те восемь магаданских лет Эдди не зря хлеб ел!

Теперь вернемся к радостной фразе Рознера:

— Юрка, давай делать новый джаз!

Вот тут-то я ему и выложил всю ситуацию об арестованных саксофонах и аккордеонах. Рознер удивился и расстроился. И стал кусать ноготь большого пальца правой руки. Это признак его крайнего возбуждения. Потом он потребовал подробностей и я их тоже преподнес. Потом он сказал:

— Пусть будет эстрадный оркестр... Мы сделаем — джаз!

На этом мы разошлись и, как я заметил, Рознер ушел в боевом настроении.

На другой день он снова был у меня и уже в очень боевом настроении.

— Я записался на прием к Министру культуры, нашему другу Пономаренко!.. Я ему все расскажу!..

Пономаренко действительно был в то время Министром культуры и действительно принял Рознера. Я не знаю, кто еще присутствовал на приеме, но через несколько часов все заинтересованные лица, я имею в виду джазистов, узнали ответ Пантелеймона Кондратьевича: "Реабилитируем саксофоны, Эдди Игнатьевич!" — И реабилитировал. А мы начали создавать дж... то есть эстрадный оркестр. Вот как это было.

Рознер решил первым делом отправиться в Минск, чтобы не обиделись на него в Белоруссии, — ведь он их заслуженный артист. Уезжая, он попросил меня найти самых лучших музыкантов и только на

конкурсной основе. Желающих было много. Через два дня Рознер позвонил из Минска и мрачным голосом попросил меня прочесть фамилии предварительного списка музыкантов. Я прочел. После паузы еще более мрачным голосом он сказал:

— Завтра я вылетаю в Москву.

Как потом выяснилось, в Минске, в культотделе ЦК БССР Рознера встретили доброжелательно, но какой-то функционер все же спросил:

— Что, опять будет жидовский оркестр?!. Опять вы будете разъезжать по Союзу, а мы будем просить и умолять выступить вас в нашей республике...

Короче говоря, Рознер позвонил тогда, чтобы узнать фамилии всех музыкантов и, услышав их, понял, что оркестр надо создавать в Москве.

Дело началось очень динамично. Дирекция Мосэстрады почувляла мощный потенциал Рознера. Деньги, база для репетиций, художники по костюмам, композиторы, авторы, оркестровщики, — все появилось, как по волшебству. Начались репетиции. Началось паломничество молодежи. В те горячие дни я невольно вспомнил и свое паломничество на репетицию незнакомого, овечьего романтикой, такого недостижимого Эдди Рознера.

Теперь я, уже будучи инспектором оркестра, имел право сам решать присутствие на репетиции. В основном это были студенты. Имелся громадный список, по которому каждый день 10-12 счастливых устраивались на задних рядах зала. И слушали, затаив дыхание.

Оркестр собрался хороший и совсем новый. Из старых участников, кроме Рознера, были музыканты и участники шуточного трио Павел Гофман, Луи Маркович, Юрий Цейтлин. Еще скрипач — Валентин Меликян.

Бывший музыкальный репетитор Юрий Бельзацкий по каким-то личным мотивам не захотел принять участие в новом составе. Зато бывший пианист и аранжировщик Вадим Людвиговский, работая в оркестре Утесова, по доброй памяти принимал участие в создании нашей программы.

Новый директор Хотимский Наум Савельевич — энергичный и дальновидный — был на высоте во всех вопросах организационных и творческих. Он, например, пригласил своего друга композитора Вану Мурадели в качестве музыкального шефа. На первых порах имя автора песни "Партия — наш рулевой" успокаивающе действовало на чиновников — перестраховщиков и конъюкратчиков. Мурадели был добрым человеком. Джаз он, правда, не понимал и не любил, но, спасибо, не мешал ему. Однажды Вану Ильич сказал мне:

— Слушай, зачем ты про ковбоев песню написал?.. Где мы и где

ковбой?! Наш советский человек приходит на концерт, а ты ему какие-то ковбойские-"швамбойские" песни поешь!

Надо сказать, что мы пели и его песни, но в окружении джазовой музыки они не слушались. Может, зритель был другой?

В клуб МАИ, где готовилась новая программа эстрадного оркестра под руководством заслуженного артиста БССР Эдди Рознера, очень часто навевдалось официальное начальство. Кто с искренним желанием помочь, а кто и прицепиться к чему-нибудь. Однажды во время репетиции пришла комиссия просто огромная. Пока члены ее рассаживались в зале, мой сосед — трубач Ваня Просенков — вдруг таинственно сказал:

— Орел еще не умер, а черви уже ползут... — Это было вовремя сказано!..

Между тем работа шла успешно и ритмично. Уже определились контуры большого музыкального шоу. Музыканты уже играли без нот. Кстати, это главное условие Рознера — все играть по памяти. Он не мог видеть на концертной эстраде музыкантов, упершихся в ноты. Поэтому все оркестровые произведения могли быть раскрашены внешними эффектами, движениями и на месте, и с выходом на авансцену, а главное — глаза в глаза со зрительным залом. Сравните лектора или докладчика, который копошится в своих записях и конспектах, с лектором, говорящим свободно "не по бумажке" со своими слушателями. Согласитесь, что второго слушают и понимают лучше.

Свой проверенный и любимый репертуар Рознер, конечно, включил в новую программу. Это всем известные шлягеры джаза — "Сент-Луис блюз", где и вокальное трио, и его импровизация, и свинг-хорус, и необыкновенный финал, когда Эдди берет высокую ноту, затем следующую, и следующую, а музыканты кричат: "Выше!.. Выше!" И вдруг он будто бы не может больше... пробует подъехать к злополучной ноте при помощи глиссандо... не получается!.. Еще глиссандо... и, наконец, вот она — финальная нота! Это "сделанное" препятствие и тут же, на глазах у зрителей, преодоленное всегда вызывало гром аплодисментов.

"Караван" — это скорее музыкальная картинка: легкий, монотонный аккомпанемент ударных инструментов создает эффект движения каравана. Где-то вдаль слышится восточный напев, похожий на молитву. На этом фоне рождается засурдиненный звук трубы... в приглушенном свете. Льется плавная, очаровывающая мелодия. Голосу трубы, как эхо, откликается кларнет. Но вот постепенно свет усиливается, и в момент его полной кульминации взрывается мощь оркестра всего на несколько секунд, словно яркий мираж на горизонте... И снова только мелодия трубы... все тише... все дальше... караван

уходит... вот и звуки ударных растворяются в тишине... Пауза. Полный свет. Эдди Рознер получает очередную радость успеха!

Был и еще один виртуозный номер "1001 такт в ритме". Это динамичный набор сольных эпизодов и бреков для трубы. Исполнял их Рознер блестяще, и каждый раз по-разному. Он играл, повинувшись своему настроению, но все в строжайшем ритме биг-бэнда.

Шуточное музыкальное пародийное обозрение на тему романса "Очи черные". Рознер сочинил его вместе с талантливым бакинским композитором Тофиком Кулиевым. Прием простой: "Очи черные" как романс — здесь Эдди играл на скрипке. "Очи черные" в исполнении колоратурной певицы. Здесь показывал свои вокальные способности Луи Маркович. А в заключение "Очи черные" в нашем джазе: Павел Гофман произносил в микрофон одни прилагательные: "Очи черные, очи жгучие, очи страстные, могучие, прекрасные..." и еще десяток определений, а в это время Рознер, стоя на авансцене, на одном дыхании тянул на трубе высокую ноту, не прерываясь.

Гофман "вынужден" подбирать слова, чтобы "не подвести" своего руководителя. Прилагательных уже не хватает, а нота все тянется. Пошли в ход уже "очи серо-буро-малиновые...", и "в крапинку", и "бурые", и "чернобурые"... Затем Гофман останавливался со словами:

— Все, я устал... — и садился на свое место, а нота трубы еще тянулась, заглушаемая аплодисментами.

Очень интересную музыкальную фантазию написали Рознер и Кулиев на темы детских песен. Пародийные тексты к ним придумал ваш покорный слуга. Называлась она "От двух до пяти". Оригинально оркестрованная и удачно срежиссированная, фантазия хорошо принималась, и мы ею заканчивали второе отделение.

В этом номере музыканты становились как бы детьми и в разных вариантах исполняли детские песенки: "Каравай", "У попа была собака", "Вышел зайчик погулять", "Тили-бом, тили-бом", "Чижик-пыжик", и "Ладушки-ладушки, где были? — У бабушки! — А что ели?" — спрашивал Рознер. — "Кашку!" — отвечал Павел Гофман. "А что пили? — Бражку, ну, и как заведено, — пили пиво и вино..." — продолжал Гофман, а потом скороговоркой перечислял, "Что мы еще у бабушки ели..."

В финале Рознер спрашивал: "Кто же бабушка У вас?.."

— Наша бабка, как не странно, главный повар ресторана! — отвечал Гофман и резюмировал: "Ладушки-ладушки, лучше нету бабушки!"

Если напомнить, что в то время была напряженка с продовольствием, были карточки, то легко поверить, как реагировала публика.

Когда заканчивались аплодисменты, Рознер снова спрашивал:

— Что же с бабушкой сейчас?.. — и уже медленно и печально Гофман отвечал:

— Нынче с бабкой все иначе, — мы ей носим передачи! Ладушки-ладушки — нету больше бабушки!

Это был второй взрывной финал и очень часто всю историю с бабушкой приходилось повторять еще раз.

Эдди Рознер создал и еще один интереснейший номер — "Сказки Венского леса", где знаменитые мелодии Иоганна Штрауса были представлены в джазовой интерпретации. Это одно из первых его произведений, и оно было заснято на телевидении под общим названием "Концерт-вальс". Оно и сейчас иногда звучит в музыкальных программах.

Описывая лучшие и оригинальные произведения Эдди Рознера, которые всегда становились шлягерами, я обязательно должен сказать что при всех его талантах, он был еще и режиссер-выдумщик. Невозможно перечислить то множество, как говорят в цирке, "корючек", придумок и мелких изобретений во время репетиции, которые обрушивались на исполнителей. Между прочим, сегодня в цирках некоторые музыкальные эксцентрики играют одновременно на двух трубах. А ведь это трюк Рознера, — он применял его в финале концерта!

Ну, что ж, теперь, наверное, пора вернуться на репетиции в клуб МАИ, тем более, что день премьеры стремительно приближался. Время было волнующее! До премьеры оставалось меньше месяца, а Рознер еще ни разу не брал в руки трубу. Во время прогона того или другого номера он просто объявлял: "Здесь я играю...", "В этом месте у меня каденция...", "Вот тут, где у всех пауза, будет мой брек!"

Сначала эти словесные обозначения принимались, как должное. Потом музыканты стали молча переглядываться. Многие из них никогда не слышали, как Рознер играет и, конечно, ждали момента, когда звук его прославленной трубы сольется с оркестром. Но этот момент все не наступал.

И вот как-то в перерыве Эдди отозвал меня в фойе и почему-то очень спокойно сказал:

— Юрка, я не могу играть...

Каким-то чудом сдержав волнение, я еще спокойнее ответил:

— Ерунда... надо чуть-чуть позаниматься и все будет нормально!

— Нет! — сказал Рознер, — я пробовал, не получается...

Тут я уже не сдержался:

— Тогда зачем мы все это затеяли?

Рознер печально повторил:

— Не получается...

— Пусть не получается... не надо играть... будете только дирижировать... как в лагере... — успокаивал я.

— Нет... Рознер без трубы — не Рознер! — ответил он и, опустив голову, пошел на сцену.

О нашем разговоре я, конечно, никому не сказал ни слова. Репетиции продолжались. И был уже точно определен день первого концерта.

Есть такое бравое выражение: "Солдат — всегда солдат!" Я бы его переделал на: "Талант — всегда талант!" На другой день после нашего драматического диалога Рознер принес свою "золотую" трубу и включился в игру оркестра. Он выбрал поначалу более легкие партии, а к трудным перешел позже. У меня отлегло от сердца. Конечно, играл он в эти дни хуже, вернее, проще. Его спасала великая способность к импровизации. Он рождал музыкальные фразы несколько облегченные, отвечающие его возможностям, но об этом никто не знал! Все равно, — и в таком состоянии Рознер был Рознер! Нервный срыв прошел. С каждым днем росла его уверенность. Он понял, что мастерство может вернуться. Оркестр звучал отлично. Многочисленные просмотры остались позади. Последняя, генеральная репетиция и вот, после восьмилетнего перерыва — премьера!

Накануне Рознеру принесли его костюм — традиционного кремового цвета. Музыканты и солисты тоже выглядели достойно.

Третий звонок. Свет в зале погашен. Сейчас должен начаться музыкальный пролог, после первых тактов которого откроется занавес. Я взглянул на Рознера. Он стоял в крайней кулисе. Лицо его было блее его сорочки. О чем он думал в эти секунды? Может быть, вспомнил свой первый концерт в Москве — тринадцать лет назад в эстрадном театре сада "Эрмитаж", когда имя Рознера покорило музыкальную элиту Москвы, когда весь город был обклеен его афишами и фотографиями... Или вспомнил он свой первый концерт за колючей проволокой в магаданском лагере, когда он не смел и отдаленно мечтать о возвращении на большую эстраду. О чем думали все очевидцы — соучастники его не только возвращения, но и возрождения?.. Мы думали, мы мечтали только об удаче.

Итак, занавес закрыт и звучит оркестр. Первый такт... второй... пятый... седьмой... раздается знаменитая команда Рознера: "Ауф!" (вверх!) — что у нас означало: "Открыть занавес!" Никто и никогда не имел права открыть занавес без этой команды, — давал ее только Рознер.

На восьмом такте Эдди Рознер, как всегда, сначала блеснул трубой из-за кулис и вышел на авансцену. Вышел, но играть не смог... аплодисменты заглушили оркестр. Эдди стоял, чуть склонив голову, и ждал, не гася своей знаменитой улыбки. Затем поднес трубу к губам и звонким пассажем открыл великое Рознеровское "второе отделение" для концертных эстрад всей страны.

Затянувшийся на восемь страшных лет антракт кончился!

Конечно, на этот первый концерт пришли в основном друзья и поклонники джаза и, может быть, поэтому успех его был еще и торжественный. Волнение постепенно улеглось. Появилась вера в правильность задуманного.

Хочу напомнить, что это был 1953 год, что истерия по поводу космополитизма и низкопоклонства в те дни еще не кончилась. Джаз еще скрывался под маской "эстрадного оркестра". Приходилось хитрить. В этой новой программе шла музыкальная фантазия на мелодии индийского кинофильма "Бродяга". Создал ее Тофик Кулиев. Это был чистокровный джаз, но поскольку Советы заигрывали с Индией, то чиновники постеснялись придрасться к музыке дружественной страны.

И еще одна хитрость: попури из песен, исполняемых Полем Робсоном. Сочинил его Вадим Людвиговский. И это тоже был джаз чистой воды. Песни Поля Робсона! Первого друга Советского Союза. Кто бы решился запретить? Одна из песен этого попури была "Колыбельная" из американского фильма "Сани-бой" ("Солнечный мальчик"). Герой фильма — клоун — поет колыбельную своему умирающему сынишке. Трогательная, печальная мелодия. Клоун сейчас должен выйти на манеж, чтобы смешить публику и никому нет дела до его трагедии. Рознер исполнял это соло на затемненной сцене. Софиты освещали его напряженную фигуру. Освещали и просвечивали ткань его костюма. Мы, находясь сзади, видели силуэты его дрожащих ног, — так он волновался! Становилось жутко и тревожно.

Только после первых концертов у Эдди прошла эта боязнь публики. Все встало на свои места. Успех окрылил его и появилась уверенность в своем мастерстве, в своей власти над сердцами слушателей.

Рассказывая о трудных и перегруженных до предела днях подготовки новой программы, мне пришлось временно умолчать о параллельных, но очень существенных событиях. Как вы помните, в злополучном послевоенном году Рознера разлучили с женой. Он был отправлен в магаданский ГУЛАГ, а она в ссылку в город Кокчетав. Волею судеб они встретились только через восемь лет. Семья, наконец, воссоединилась — Эдди, Рута, Эрика. Появилась надежда на новое счастье и оно действительно могло состояться. Но нет!

В один из репетиционных дней Рознер неожиданно подошел ко мне, очень взволнованный, и на мой вопрос: "Что случилось?" после большой паузы объявил:

— Мы разводимся!

Я, пораженный, молчал, ожидая объяснений, и лихорадочно думал, как это событие отразится на нашем общем деле? Эгоистично?! Согласен... Но дело прежде всего... Выслушав Эдди, я понял, что разрыв серьезен. Судите сами: после восьмилетней разлуки, полной

лишений и неизвестности, супруги в одну из ночей решили рассказать друг другу обо всем, что произошло с ними за эти долгие годы... Да, вы правы! Этого нельзя было делать. Но они почему-то так решили. К сожалению, Рознеру было, что рассказать.

Когда в Магадане ему разрешили создать эстрадный коллектив, и он добился признания, то Эдди, как руководитель, получил отдельную комнатку, где он мог жить, сочинять музыку и делать аранжировки.

В одну из холодных магаданских зим у Рознера появились признаки заболевания цингой. Положение было критическое — трубач без зубов! И вот одна из солисток его коллектива, уже отбывшая свой срок и, наверняка, влюбленная в своего руководителя, что случилось со многими солистками, отправилась в свирепый мороз на попутных машинах искать спасительный чеснок и вовремя его привезла.

Болезнь была остановлена. Нежная забота этой девушки переросла в любовь, которая не осталась без взаимности. Особых подробностей их отношений я не знаю. Да и зачем они? Главная подробность — рождение дочки Ирочки. Забегая вперед, скажу, что Ирочка сейчас уже врач и живет с мамой Мариной в Германии.

Рута выслушала рассказ Эдди, как он сам сказал, спокойно. Рута поняла и простила. Было страшное время. Они ничего не знали друг о друге. И самое главное, не знали, что их ждало впереди.

Но наступила очередь ее исповеди. Там, в Кокчетаве, в страшном одиночестве и тоске, повстречался ей земляк — польский врач. Тоже ссыльный. Тоже одинокий. Они нашли друг друга вдали от родины... И... и тут Эдди Игнатьевич Рознер вскипел:

— Как ты посмела?!

Ну, и так далее...

Слабые возражения жены: "Ты ведь тоже..." были решительно отпарированы:

— Мужчины — это другое дело!

Перемирия не состоялось. Состоялся развод, и Рута, забрав дочь, уехала к маме, в Варшаву. Рознер же во главе нового оркестра выехал на гастроли по тяжелому маршруту: Донбасс, Волга, Кузбасс. В это время Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко был нашим послом в Польше и помог Руте с Эрикой. Устроил девочку в русскую школу при посольстве.

В один из хмурых, дождливых дней мы прибыли в город Караганду. Едва забросив в гостиничный номер свой чемоданчик с трубой, Эдди вместе с администратором филармонии куда-то ушел. Вернулся он перед самым концертом, очень довольный и улыбающийся.

Тайну его исчезновения я узнал позже. Она почти детективна. Рознер каким-то образом узнал, что в Караганде проживает польский друг его бывшей жены, и решил посмотреть на своего соперника. К

счастью, соперник был в командировке. Дверь открыла его молодая супруга. Рознер представился ей. Расспросил о муже и пригласил на свой концерт. Провинциальная дама была несказанно польщена вниманием. А Рознер, как мы знаем, умел такое внимание организовать.

Все три концерта соломенная вдова слушала Рознера из ложи дирекции. Он был обаятельно неотразим и потому без особого труда, хотя и задним числом, отомстил "обидчику".

В этом месте можно было бы продолжить рассказ о романтических историях Эдди Рознера, но, поскольку их очень много, я ограничусь общим обзором его донжуанизма. Среди наших новых солистов, конечно, были особы слабого, но решительного, пола. С первых же дней между некоторыми из них завязалась молчаливая борьба за право назваться первой леди джаза. Но довольно долго эта борьба не приносила результата. Рознер купался в женском обожании. Был со всеми одинаково мил, кокетничал и капризничал, зная, что ему все простится. И, поверьте, он имел право на это обожание.

Теперь о серьезном: в оркестре Рознера всегда работали разные вокалисты, в разной степени талантливые. Но все без исключения прошли отличную музыкальную школу джаза. Научились владеть микрофоном. Напомню, что в те годы микрофонизация эстрады еще только начиналась. Певцы научились строже подходить к выбору репертуара. Получили навык поведения на сцене, умения носить костюм, и, главное, умение не теряться на фоне большого оркестра.

Мне хочется назвать несколько фамилий, ставших впоследствии на эстраде известными, — это Майя Кристалинская, Капитолина Лазаренко, Нина Дорда, Мария Лукач, Ирина Бржевская, Нина Пантелеева, Анастасия Кочкарева, Гюли Чохели. А еще и первый женский состав квартета "Аккорд" — Зоя Куликова, она же Харабадзе, Инна Мясникова, Роза Романовская, Элла Ольховская. В этом же составе девушки снялись в кинофильме "Карнавальная ночь", который озвучивал оркестр Рознера. Кроме квартета "Аккорд" фильм этот стал счастливой ступенькой и для актрисы Людмилы Гурченко. Она еще долго гастролировала со шлягерами "Карнавальная ночь". А позже записала их на грампластинки с оркестром Эдди Рознера.

Позже квартет "Аккорд" разделился пополам. Из одной половинки образовался квартет "Улыбка". А вторая половинка дополнилась двумя мужчинами — Вадимом Лынковским и Шота Харабадзе. Первоначальное название "Аккорд" осталось за ними. Сейчас даже приблизительно не назовешь и не подсчитаешь количество названий грамзаписей и телерадиозаписей, которые с блеском выполнили "Аккордовцы". Слава им!

Сладкое, чистейшее четырехголосие! Главная среди девушек — Зоя — идеально раскладывала гармонический рисунок. Звучание всегда было свежим и как будто до сих пор не слышанным.

Однажды на радио "Аккорд" записывал мою песню "На седьмом этаже". В перерыве я заметил, что автор музыки Павел Аедоницкий был чем-то озабочен. На мой вопрос: нравится ли ему запись, Павел вдруг сказал:

— Я очень расстроен!

— Тебе не нравится исполнение? — удивился я.

— Нет, — ответил уже известный тогда композитор. — Я расстроился, потому что понял — мне никогда не удалось бы так расположить голоса собственной песни, как это сделала Зоя. Слава "Аккорду"!

С мужским вокалом было беднее. Могу с удовольствием назвать только Владимира Макарова. Это, наверное, потому, что в оркестре были свои певцы-мужчины, старые, постоянные — Лотар Лямпель, Павел Гофман, Луи Маркович.

Теперь еще раз подробнее и с любовью о певицах.

Капитолина Лазаренко пришла к Эдди Рознеру уже вкусивши успех в оркестре Утесова. Она сразу заняла ведущее положение, которое определялось у нас местом в программе. Это — предпоследний номер первого отделения. Эдди сам дирижировал, тем более, что главный шлягер Капитолины была его песня на мои слова — "Может быть". Блестящую ультрасовременную аранжировку сделал поступивший только что в оркестр на должность музыкального руководителя Юрий Саульский. Сегодня, как вы знаете, это известный композитор, член всех жюри джазовых и эстрадных конкурсов.

После оглушительного успеха песни "Может быть" одна из певиц Мосэстрады написала гневное письмо в газету "Правда", и оно, естественно, было напечатано. В письме-жалобе обвинялись три тогда лучшие эстрадные певицы, Гелена Великанова, Капитолина Лазаренко и Нина Дорда. Суть письма была банальна и конъюнктурна: "Эти певицы имеют успех потому, что поют пошлые песни". Далее назывались популярные в то время песни и их преступные авторы. В Мосэстраде случился по этому поводу переполох, переросший в ЧП! Прибыл представитель главного органа коммунистической печати, и на собрании вокального отдела художественный руководитель и главный режиссер Мосэстрады, интеллигентный и умный Александр Павлович Конников вынужден был извиняться и заверить, что "мы больше не будем".

Но, несмотря на гневный окрик "Правды", грампластинка с записью песни "Может быть" была выпущена очень большим тиражом. Песня напечатана в песенном сборнике Госкультпросветиздата с на-

званием "Под баян"! еще в 1956 году.* Затем песня была напечатана в польском журнале "Пшиязнь". Там даже новые польские духи были названы "Может быть".

Я подробно остановился на песне "Может быть" потому, что это музыка Рознера. А в этом рассказе речь идет о его творческом пути. Других же подобных историй хоть отбавляй!

Хочу еще отметить, что после работы в оркестре Эдди Рознера, Капитолина Лазаренко сразу же получила право на сольный концерт.

Несколько добрых слов о Нине Дорда. В этой артистке сочетались два очень нужных качества. Нина могла петь и мягкую задушевную лирику, включая романсы. Но и шуточные темповые, "исполнительские" песенки. Наверное, читатель вспомнит песни: "Мой Вася", "Стиляга", "Мой милый так хорош".

Кочкарева Анастасия, она же Наталия, была драматической актрисой. Она окончила студию МХАТ тогда еще имени Горького. Была единственной выпускницей, принятой в труппу театра, и вдруг... влюбилась в студента — испанца, который увлек актрису МХАТа латиноамериканским фольклором. В результате Анастасия-Наташа ушла из театра и поступила в джаз Эдди Рознера как исполнительница оригинальных песен-образов с трансформацией костюмов и танцами.

Кстати, ставила тогда ее репертуар только что вернувшаяся в Москву из мест заключения Наталия Ильинична Сац.

Однажды наши гастрольные пути пересеклись с гастрóлями Александра Вертинского. Он был на концерте. Зашел за кулисы. И в первую очередь поцеловал руку Наташе, ласково называя ее Настенькой. Это было в Свердловске. В те же дни там гастролировала группа артистов МХАТа. На наш дневной концерт пришли артисты — друзья Наташи во главе с Аллой Константиновной Тарасовой. Наташа, конечно, волновалась и пела не очень удачно. Помню, мхатовцы все же были приятно удивлены выступлением своей выпускницы и еще помню слова Аллы Константиновны:

— Ты молодец, Наташа, но обидно, что эти три еврея имели больший успех... Три еврея — это наше трио — "Мандолина, гитара и бас"!

О Майе Кристалинской можно писать и говорить очень и очень много. Как говорится, комментарии излишни. Майя в короткий срок стала популярной и любимой эстрадной певицей. Скажу только, что эфир перед ней распахнулся все-таки после ее выступлений с оркестром Эдди Рознера!

* Попробуйте-ка раскритиковать сборник с патриотический названием "Под баян"!

Для Марии Лукач первой серьезной деятельностью и началом пути стал тоже джаз Эдди Рознера. Затем уже ее безусловный талант раскрылся на радио и телевидении. Был период, когда все детские песенки для грампластинок и радиопередач записывала Маша Лукач.

У истоков джазовой карьеры Гюли Чохели господин Случай свел Эдди Рознера, Юрия Саульского и меня. Это было в Баку. Рознер слегка прихворнул. Концерты перенесли. Неожиданный краткий отдых. Юрий Саульский и я жили в одном номере гостиницы и потому одновременно получили телефонный вызов к нашему занемогшему руководителю. Он, как всегда, обитал в гостинице "Интурист". Мы вошли. Поздоровались. Справились о здоровье. И тут я заметил у дальнего окна девушку, но разглядеть ее не смог, так как этому мешал яркий свет из окна.

Рознер начал разговор с короткой фразы:

— Необходимо за два дня создать два шлягера. Музыка уже есть. Нужны стихи и аранжировки, которые сделают два Юры!

— Для кого? — спросил я, памятуя, что в оркестре уже есть три певицы.

— Вот для этой девушки! — сказал Рознер.

К этому времени его гостья подошла к нам, и мы с Юрой оказались в легком шоке от этого юного очарования, от огромных жгучих глаз и всего остального. Как вы, наверное, догадались, это была Гюли. Рознер вывел нас из шока:

— Послушайте музыку и вы заболите желанием сделать шлягеры!

Гюли села за рояль и напела, аккомпанируя себе, сначала чудесную лирическую мелодию грузинского композитора, тогда еще студента, Гии Канчели, а затем огневой американский рок-н-ролл с английским текстом. И мы с Юрой "заболели". Честно говоря, мы "заболели" еще до прослушивания музыки. Юная Гюли сама была и музыкой и стихами!

Саульский уточнил тональность, темп, форму. Все! Свидание окончилось! Получив госджазказак, два Юрия принялись за работу! Благо не было концертов.

Через два дня состоялась первая репетиция. Все довольны. Гюли всем нравится. Рознер предвещает ей большой успех. Сам дирижирует, подыгрывая ей на трубе... Нет, Гюли нравилась не всем. Две наши певицы были возмущены: "Какое внимание! Девчонку взяли с улицы!" Хотя было известно, что Гюли работала до нас в Государственном джазе Грузии у Константина Певзнера. Но самое главное обвинение: незалитованный репертуар!

Дорогие сегодняшние артисты эстрады и музыканты джазов! Вы — счастливики! Вы не знаете этого страшного слова "лит" — цензура! Сколько талантливых произведений, не получивших "разрешение к

исполнению", погибли на пути к зрителю и слушателю. Непредсказуемое мнение цензора! Над творческой мыслью любого автора того времени всегда кружился, как черный ворон, вопрос: пропустят или не пропустят? Без печати "лита" ты ноль, бездарь, неудачник! Сколько их было на нашу голову: "главлит", "обллит", "горлит". Так что наши ревнивые певицы знали, где незащищенное место у юной соперницы!

Фу!.. Высказал давно наболевшее!..

Пора возвращаться в город Баку, в зал филармонии, где идет последняя репетиция, а вечером первый концерт.

Гюли Чохели с "незалитованным" репертуаром.

Я нахожусь на сцене, отсюда плохо слышно пение. Динамики направлены в зал. Мне кажется, слова лирической песни "Воспоминание" Гюли плохо выговаривает. Надо поправить. Я прошу разрешения у Эдди послушать песню из зрительного зала. Через две минуты Рознер тоже спускается со сцены, садится со мной рядом и жарко шепчет:

— Юрка, я умираю... я влюбился... оставь мне ее... не мешай! — Я смеюсь. Успокаиваю и не очень верю. — Эдди, в который это раз?!

И вот на первом же концерте предсказания Рознера сбылись полностью. Не люблю этого эпитета, но вынужден его употребить: успех был "бешеный". Рок-н-ролл, я назвал его "Чей парень ты?", Гюли бисировала трижды. В зале было много молодежи. Пела она отлично, аранжировка удалась.

Когда публика потребовала песню в третий раз, Рознер забеспокоился. Это было сверх ожидания. Следующим был его выход. А Гюли не отпускали. Эдди кричал за кулисами:

— Кого они пришли слушать? Рознера или Чохели? — Я ушам своим не верил: сам отыскал, сам создавал, сам "болел" и других заставлял... А теперь заревновал?!

После третьего исполнения песни аплодисменты продолжались. Тогда по приказу Рознера закрыли занавес. Публика успокоилась, но ненадолго. Как только стал раскрываться занавес, аплодисменты возобновились. Четвертый раз повторять песню Гюли не стала. На сцену вышел Эдди для исполнения одного из своих лучших номеров — "Сент-луис блюз". Так кончилось первое отделение.

Главный и печальный итог этого случая — ревность певиц достигла высшего предела.

Через несколько дней нам предстоял отъезд в Москву. Наступал Новый год. Всесоюзное телевидение пригласило на новогоднюю передачу два популярных музыкальных коллектива. Джаз Леонида Утесова, который должен был выступить в самом конце старого года перед боем часов на Спасской башне. И джаз Эдди Рознера, который должен был прозвучать в самом начале Нового года.

Мы прибыли в Москву утром 31 декабря. Такое позднее наше появление я снова приписываю господину Случаю. И вот почему: предпраздничный день. Суматоха. Все заняты домашними делами, в том числе и руководство Мосэстрады. Там ведь тоже люди! Так что приготовленное "взрывное устройство" сработать не смогло. А оно было заготовлено все теми же ревнивыми певицами, которые при помощи аэрофлота оказались в Москве раньше нас, следующих поездом почти трое суток. Рознер и Гюли Чохели тоже ехали поездом.

Итак, оказавшись в Москве, ревнивицы, не теряя времени, заявили в Комитете "поделом" искусству и в Мосэстраде... Ну, вы, конечно, знаете, что они заявили! — "Певица с улицы!" "Незалитованный репертуар" и, я думаю, еще кое-что, порочащее моральный образ заслуженного артиста БССР Эдди Рознера и молодой артистки.

Но их великая нравственная миссия, слава Богу, не вместились в уходящий год и была перенесена в Новый. А это дало возможность заявить о себе на всю страну юной певице Гюли Чохели!

И еще одна интересная подробность. Перед самым нашим выступлением выяснилось, что передача рассчитана ровно на сорок минут. И не все пойдет в эфир. Да, вы правильно подумали. Одна из певиц-жалобщиц выпала из программы. Но вы никогда не догадаетесь, что она в сердцах высказала по этому поводу, срывая так нужный ей голос: "Вы еще не знаете, по чьей записке я зачислена в оркестр... вы еще..." Ну, и так далее.

Утро Нового года началось с телефонных поздравлений и не только новогодних. В каждом звонке одно и то же: "Откуда такая певица? Поздравляю с новым шлягером!" Имелась в виду песня "Чей парень ты?"

А через день руководство Мосэстрады вызвало руководство джаза Эдди Рознера на ковер. Какие вопросы нам задавали и что мы отвечали, легко догадаться. Забегая вперед, скажу, что Гюли начальству понравилась. Но как в этом признаться?! Нарушения-то налицо! А через день отъезд в Ленинград. И назначается срочный просмотр "взятой с улицы", на котором запретили "незалитованный" рок-н-ролл и "Парень" стал ничей!

Только спустя несколько месяцев замечательная и смелая певица Гелена Великанова сумела залитовать многострадальную песенку и "Парень" стал ее! Гелена исполняла этот рок-н-ролл с большим успехом. А Гюли разрешили гастролы в Ленинграде, но с условием петь только грузинские народные песни.

Вот как оно было!

На съемках фильма "Карнавальная ночь" большим успехом пользовался наш ударник Борис Матвеев. Во время репетиций свободные от съемок артисты собирались вокруг него и буквально глазели, как

Борис виртуозно владел барабанами, тамтамами, тарелками, палочками, щеточками и другими удивительными инструментами. Эдди иногда вставал рядом с ним, и тогда начиналась блестящая импровизация в необычном сочетании трубы и барабанов. Это был праздник для всех слушающих!

Весной 1992 года, то есть спустя 37 лет, я и Борис Матвеев были приглашены в студию телевидения для участия в передаче "Сегодня и тогда", которая посвящалась памяти Эдди Рознера с демонстрацией песен и кратких воспоминаний.

Мы с Борисом очень многое наговорили и даже напели. На мой взгляд получилось солидно и занимательно. Запись длилась 40 минут. Но вот наступил день передачи, и мы увидели скромную десятиминутку скомканных и урезанных фрагментов. Все это шло под рубрикой "тогда". А остальные двадцать минут под рубрикой "сегодня" были подарены ответам на письма граждан по поводу обещанных пенсионных надбавок. И правильно! Какие там песни?! Какой Рознер?! Когда кирпичик черного хлеба стал стоять...

Но все равно, урезанное "тогда" было предпочтительнее насущного "сегодня"! И, может быть, особенно для пенсионеров — ведь "тогда" они были молоды!

А ровно через три месяца того же 1992 года создатель фильма "Карнавальная ночь" Эльдар Рязанов "неожиданно" встретился с виртуозом — ударником Борей Матвеевым в "живой" передаче с улицы Старый Арбат.

Телепередача называлась "Ноктюрн на флейте водосточных труб". Мы увидели на экране Бориса Матвеева во главе диксиленда из пяти музыкантов. Они великолепно играли джазовую классику. Вокруг толпа прохожих. Перед ними железная банка для пожертвований. Вот бы Рознер увидел сейчас своего солиста! Он, наверное, очень бы удивился и проворчал свою любимую польскую поговорку: "Холера ясна!"

А пока на экране знаменитый Эльдар Рязанов крупным планом. Он обнимает и целует Бориса. Говорит ему какие-то воспоминательные слова. Хлопает по плечу. Борис в ответ на это внимание исполняет свое знаменитое "Соло на ударных".

Я смотрел эту передачу, не сдерживая слез.

Там, на Арбате, были еще и другие "уличные артисты": дуэт скрипки и гитары — студенты бывшего ГИТИСа, исполнительница русских народных песен, певец-гармонист с многочисленными орденскими планками, и две совсем маленькие девочки с папой-баянистом, которые очень трогательно пели любимую песню Сталина "Где же ты моя Сулико?"

Вот как стихотворение Владимира Маяковского о флейте из водосточных труб воплотилось в жуткую реальность на московском старом Арбате!

Летний эстрадный театр в московском саду "Эрмитаж" уже не раз упоминался в моем рассказе. Напомню только, что это была самая престижная площадка для эстрадных концертов. Зимой — Колонный зал Дома Союзов, летом — "Эрмитаж".

Слова, сказанные с апломбом: «Мы открываем "Эрмитаж"» или «Мы закрываем сезон в "Эрмитаже"» можно было услышать еще зимой, когда сверстывался гастрольный план эстрадных коллективов. Джаз Эдди Рознера был очень частым гостем в "Эрмитаже". Но однажды начальство вдруг засомневалось.

Я присутствовал в кабинете директора Мосэстрады Андрея Ефимовича Луковникова, когда на патетическую реплику Рознера:

— Если мне не дадут "Эрмитаж", я уеду в Польшу! — Луковников неожиданно ответил:

— Ну, и уезжайте!

Рознер выскочил из кабинета и целых три дня его никто нигде не видел. Потом, успокоившись, Эдди рассказал, что он был в польском посольстве, где заявил, что хочет вернуться в Варшаву.

Привожу почти дословно ответ польского посланника: "Мы были бы очень рады, когда бы такой большой музыкант вернулся в Варшаву, но хочу предупредить вас, дорогой пан Рознер, что если мы даже и сумеем устроить вас работать на радио, то вы будете зарабатывать не более трех тысяч злотых!" Тогда в Польше верховодил антисемит Гомулка.

Рознер очень расстроился. В Союзе он зарабатывал в пять-шесть раз больше. Но, как я догадался, дело было не только в деньгах. Главным подтекстом разговора в посольстве было возвращение к жене, к дочери, чтобы начать еще раз все заново. Эдди впал в глубокую депрессию. Ходил мрачным и поблек даже на сцене. И словно забыл свое знаменитое "Смайлинг!" — "Улыбаться!"

После мучительных раздумий Рознер решил плюнуть на деньги и, набравшись мужества, позвонил в Варшаву жене Руте.

Да, Рута его еще любила и простила, и могла бы принять, все забыв. Но буквально за несколько дней до его звонка вышла замуж. Это известие было для Эдди последней каплей.

Депрессия углубилась, стала невыносимой. Нужна была хоть какая-то отдушина, увлечение, забытье. Как назло, гастроли в Крыму оказались долгими и нудными. Рознер ощутил страшное одиночество. Правда, рядом уже несколько месяцев ждала и надеялась на взаим-

ность наша танцовщица Галя Ходес. Но и она, потеряв терпение, решила соединить свою судьбу с партнером по профессии, по номеру... и влюбленным в нее...

А в Ялте была зима. Февраль. Мертвый сезон. Пляжи и бульвары под легким налетом снега. Репетиций не было. Галя и ее партнер по танцу Николай целые дни проводили вместе. Рознер сидел у себя в люксе, злился и грыз ногти.

В один из таких дней он попросил меня зайти и сразу без обиняков:

— Ты должен уговорить ее вернуться ко мне. Она тебя уважает, послушает.

Разговор шел о Гале Ходес. Когда Рознер переходил со мной на "ты", значит, дело становилось серьезным. Таких доверительных случаев за все наше знакомство было всего несколько.

Видя его состояние, я не стал возражать и обещал после концерта увести Галю для интимной беседы. А это, между прочим, было не так-то просто. Партнер Коля ходил за ней по пятам. Но мне повезло. Поклонники пригласили Николая на кружку пива, и поэтому Галя вышла из театра со мной. Вот напечатал я эту последнюю фразу и предстал передо мной этот тихий уголок Ялты. Высокие силуэты кипарисов и каштанов, среди которых просвечивает благородный фасад уютного ялтинского театра. Как давно это было! Ялта и зимой прекрасна. Мы молча пошли вдоль берега. Прибой был едва слышен. В море купались звезды. Обстановка располагала к успеху моей миссии. Галя, конечно, догадывалась, зачем я ее пригласил, но и она, и я разговор не начинали. Наконец, я сказал так же, как Рознер, без обиняков:

— Он хочет, чтобы ты вернулась.

Галя не ответила. Я продолжал:

— Уговаривать тебя не буду. Скажу только, что ты уже была с ним и терять тебе нечего. Поверь в последний раз... а вдруг!

Когда мы подошли к нашей гостинице, на первом этаже в ресторане слышались шум и резкие выкрики. Картина представилась не очень приятная. Нашего танцора Колю держали и не отпускали. Он, оказывается, узнал, что Галя ушла со мной. Догадался — зачем и, добавив что-то к пиву, собирался объясниться с Рознером.

Но объяснение не состоялось. Напряжение спало. Гастроли продолжались. Замелькали другие города и события. А некоторое время спустя Галя стала, наконец, первой леди джаза Эдди Рознера. И, конечно, обрела счастье.

Ранней весной 1957 года произошло событие, которое окончательно привело в равновесие душевное состояние Рознера. Оркестру поручили все-таки закрытие сезона в эстрадном театре "Эрмитаж". А до этого гастроли в романтическом городе Одессе, и участие в VI Всемир-

ном фестивале молодежи и студентов. И вот мы едем в Одессу. Все довольны. Одесса летом, это не Ялта зимой! Снова знакомый-презнакомый стук колес. А как там Рознер?! Ведь он не едет с нами. На этот раз он за рулем собственной машины и никакой-нибудь, а американской! "Форд-8".

Тут необходимо отвлечься и рассказать о Рознере-шофере. Автомобиль ему подарил от имени правительства БССР Пономаренко, кажется, из числа трофейных. Обкатывал свой подарок Рознер в Ленинграде, еще не получив права. Ему тогда все прощалось. Стояли белые ночи. Каждый день после концерта Рознер разъезжал с ветерком по пустынным светлым улицам и набережным города, но всегда не один. Он почти насильно набивал свой "Форд" музыкантами и певцами в неразумном количестве. Он не мог получать удовольствие в одиночку. Ему были еще нужны свидетели его удовольствия!

Если же он ехал днем, то не мог спокойно видеть, что кто-то едет впереди него. Этот факт просто оскорблял его.

— Сейчас я его сделаю, — говорил он, взяв на вооружение чисто российское фольклорное выражение-сленг. Вообще же все его подобные присказки и выражения были всегда в переводе на русский: "Деньги не пахнут!" — говорил Эдди. Или: "Когда мужчина что-то очень хочет от женщины, то мозги его находятся... там!" — и он делал выразительный жест.

Однажды после прослушивания молодой певицы Эдди, притворяясь, что подыскивает русские слова, говорил примерно так:

— Вы очень хорошо поете... или нет... уже пели... Да?! У вас есть красивый голос... Но, как бы это сказать по-русски... Я не знаю... Вот! Вы должны петь так, чтобы каждый мужчина в зале... пардон, захотел вас! Нужен темперамент!

Мне он как-то сказал:

— Знаете, Юра, если вы заказали костюм портному и вдруг узнали, что этот портной импотент... откажитесь от заказа... Такой портной испортит костюм!

А вот фразу "Я его сейчас сделаю" Рознер уже говорил, не переводя... говорил по-нашему!

Сидя за рулем, Эдди очень часто вступал в противоречия с правилами езды. И вот одно из этих противоречий оказалось роковым.

Последний концерт в Одессе. Билеты на поезд розданы всем. Прощай, Черное море! В вестибюле гостиницы меня встретил наш новый молодой администратор — Миша Сантатур:

— А я сдал свой билет! — радостно сообщил он. — Эдди берет меня к себе в машину!

Деньги, полученные за возврат билета, Миша решил истратить на покупку фруктов для маленького сынишки.

Итак, оркестр уехал в Москву поездом, а Рознер, администратор Миша и тромбонист Андрей Хартюнов, кстати, опытный автомобилист, отправились в дорогу ранним утром на машине.

Телеграмма о катастрофе обогнала наш поезд, и когда мы прибыли в Москву, все уже знали об этом несчастье.

Что же произошло? Перед Днепропетровском машину вел Рознер. Андрей-тромбонист отдыхал на заднем сидении. Миша сидел рядом с Рознером. Впереди на шоссе двигался воз с сеном. Рознер несколько секунд ехал сзади. А потом?.. Не берусь утверждать, но он, наверное, сказал своему соседу Мише ту самую веселую фразу... и стал обходить телегу. Мало того, выехал на встречную полосу. Сделай он это чуть-чуть позже, все бы обошлось. Но господин Случай оказался на своем посту. Навстречу с большой скоростью мчалась трехтонка, груженная молодым картофелем. Удар был страшной силы и почти лоб в лоб: шофер грузовика успел лишь слегка свернуть в сторону. Как потом говорили специалисты, Рознер, выехав на встречную сторону и увидев летящую на него машину, должен был, дав газ, пересечь встречную полосу шоссе и свалиться в кювет. Но вместо него поневоле это сделали рабочие, сидевшие в кузове на гудах картофеля. Они оказались в кювете и остались живы. Мгновения растерянности Рознера привели к тяжелым последствиям. Миша скончался на месте.

Андрей, дремавший сзади, получил сотрясение мозга, переломы ребер и бедер. Эдди принял удар баранки в грудь и подбородок. Потерял сознание и едва не лишился ноги, так как коленная чашечка была раздроблена. Естественно, что удар в подбородок расшатал зубы. Здесь могла кончиться карьера Рознера-трубача, но зубы выдержали. После старательного лечения и платинового протеза Эдди сумел еще играть на трубе, обходя лишь высокие ноты.

Через три дня мы хоронили Мишу-администратора, погибшего по вине Рознера, — Мишу Сантатура, мать которого двенадцать лет тому назад поехала во Львов, чтобы спасти и приютить у себя дочь Рознера, оставшуюся тогда сиротой.

Вот и снова господин Случай, после которого наступил второй непредвиденный антракт у заслуженного артиста БССР Эдди Рознера!

Андрей-тромбонист еще долго не мог дуть в свой тромбон из-за переломанных ребер. Но все же встал в строй музыкантов-духовиков, хотя и прихрамывал. Рознер постепенно выздоравливал. И начал строить новые творческие планы. Но его поджидал уголовный кодекс!

Летом 1957 года Москва стала временно закрытым городом. Въезд был разрешен только по специальным пропускам. Гостиницы, магази-

ны, рестораны, театры принадлежали только москвичам и гостям. В столице проходил шестой Всемирный фестиваль молодежи и студентов. На площадях, в парках, в концертных залах проходили концерты, выступления самодеятельности, гуляния. И, естественно, что без джаза Эдди Рознера обойтись было нельзя. И мы решили работать без Рознера! К нам был прикреплен большой красивый автобус, на котором мы передвигались с одного концерта на другой, стараясь выполнить свой производственный план.

В Москве было весело и интересно. Звучала музыка всех стран и всех народов. Два самых популярных слова, казалось, висели в воздухе, на стенах домов, на тысячах плакатов, звенели в эфире. Этими словами были "Мир" и "Дружба". Наши музыканты тоже повторяли или даже выкрикивали эти слова из окон автобуса, прибавляя к ним третье дорогое слово, чтобы получалось так: "Мир", "Дружба", "Джаз"! Слово "джаз" в этом сочетании было неожиданным и вызвало бурную радость у молодежи. Ведь многие знали, что на этом звонком слове еще было "табу".

Пока оркестр работал на фестивале, в кабинетах и офисах работали юристы и инспекторы ГАИ. Рознеру снова грозила тюрьма.

Чем быстрее шло выздоровление, тем быстрее приближался судебный процесс. Юристы и инспекторы совещались, спорили, допрашивали, выясняли, смягчали... но все же, все же... Черные тучи сгустились над головой Рознера и не хотели рассеиваться. Шутка ли?! Преступление с летальным исходом!

Наконец, все заинтересованные стороны сошлись на цифре "3". То есть Рознеру грозило три года наказания. Всем было тяжело и грустно. Снова рушилось все, что с таким трудом мы восстанавливали после магаданского ГУЛАГа. Но вдруг на нашей сцене, уже в который раз появился... Да! господин Случай!!! Теперь уже Случай мирового значения. А именно: в честь шестого Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, в честь этого престижного для страны события, все уголовные дела, в которых предполагалось наказание до трех лет, были закрыты!

Рознер снова взял в руки свою золотую трубу и началось "третье" отделение его творчества на территории тогда еще Советского Союза!

Успех и популярность нашего джаза оставались на прежнем уровне. Рознер приспособился к отремонтированным зубам, и владея, как я уже говорил, талантом импровизации, мог варьировать трудные пассажи и потому продолжал нравиться самым строгим ценителям, не говоря уже о любителях и поклонниках эстрады.

Его песни и оркестровые произведения уже давно исполнялись в

других коллективах и часто звучали по радио. Могу смело заявить, что композитор Рознер состоялся!

А кроме всех прочих успехов Рознер стал официальным москвичом — купил кооперативную квартиру в хорошем доме рядом с садом "Эрмитаж".

Его младшие собратья по музыкальной деятельности уже были приняты в Союз композиторов: Александр Цфасман, Вадим Людвиговский, Владимир Шаинский, Юрий Саульский, Владимир Терлецкий, Ян Френкель, Александр Варламов и многие другие... А Эдди Рознера не приняли! Почему?! Чужой? Репрессированный?! Никто ничего определенного не говорил... Не "пуцать" и все!.. Сейчас эти, так называемые творческие, союзы несколько присмирели, а некоторые сами рассыпались. Общественность не очень-то обращает внимание — член или не член! Важно качество работы да и профессионализм, просто — талант. А тогда, если ты — не член, — посторонись! Сначала — члены!

В это же самое "тогда" стало тесновато и на эстраде. Стали популярны другие эстрадные оркестры. Громко заявил о себе джаз Олега Лундстрема. Его музыканты и он сам были тоже беженцы, только с Востока. Из Харбина. Поначалу им благосклонно позволили выступать в Союзе, но не западнее Казани! Где им разрешили и прописаться.

Лундстрему повезло на опытного директора с китайской фамилией Цин. Но он не был китайцем. Он был профессионалом. Так вот, этот Цин сумел, добился и вывез оркестр Лундстрема из Казани. Прописал всех в Москве и построил всем кооперативные квартиры. А так прозябать бы им в казанской ссылке до самой перестройки.

Джаз Олега Леонидовича поражал ювелирными нюансами звучания, прекрасными аранжировками и завидным своеобразием. Собственно говоря, все эти эпитеты относятся и к сегодняшнему составу музыкантов.

По-прежнему лучшие эстрадные площадки занимал Леонид Утесов, неутомимый Борис Ренский со своим оркестром. В Ленинграде появились оркестры Блехмана, Батхена, Эдиты Пьехи... Одно время и у дочери Леонида Утесова — Эдиты — был свой оркестр.

Теперь добавим джазы многих республик:

На Украине — под руководством Петренко, в Грузии — Константина Певзнера, в Армении — Айвазяна, а позже — Константина Орбеяна, в Эстонии — Владимира Сапожнина, в Молдавии — Шико Аранова, в Азербайджане — Гаджиева и позднее — Тофика Ахмедова, в Узбекистане — Батыра Закирова и многие, многие другие.

Согласитесь, — действительно тесно. Возникла конкуренция. Правда, большие имена еще уверенно держались на плаву. Но прихо-

дилось оглядываться — то здесь, то там возникали талантливые соперники и наступали на пятки. Началась борьба за престижные площадки и маршруты гастролей.

А тут, как на грех, от нас ушел опытный директор — Михаил Наумович Хотимский. Стало трудно. Теперь Рознеру пришлось брать на себя главную часть администраторской деятельности — хождение по кабинетам высоких чиновников от искусства.

Унижаться и просить Эдди не привык и не умел. Каждый такой вояж изматывал его. Участились болевые приступы застарелой хвори в печени, то ли песок, то ли камни. Если приступы случались перед концертом или даже во время концерта, то Эдди сам вводил себе обезболивающее и шел на сцену. Но самое драматическое, что Рознер устал вообще!.. Весь!

Моральное страдание он получал даже и от прогрессирующей лысины. Сквозь еще черные редкие волосы она предательски блестела. И Галя — жена перед концертом закрашивала ее тушью для ресниц.

Тогда же произошло еще что-то неожиданное в его артистической душе. Эдди стал жаден на аплодисменты. На минуты присутствия перед публикой. Ему стало не хватать успеха. Хотелось еще и еще! Азарт игрока!?

А когда-то Рознер был ой как скуп на выходы. В течение двух часовых отделений он появлялся на сцене считанные разы. Его ждали. Его хотели видеть: "Ну, где же Рознер?! Мы пришли его слушать, смотреть на него..." А на сцену выходит опять конференсье или певец. Даже досадно!

А уж когда он появлялся со своей сверкающей улыбкой, элегантным поклоном, такой долгожданный и желанный, то его выход становился праздником для зрителей. Они ведь пришли на встречу со знаменитым трубачом-артистом... Да, так было!

Теперь же Эдди стал слишком часто выходить на сцену и не только со своими номерами. Он дирижировал оркестром и во время выступления рядовой певицы, и танцевального или даже акробатического номера. И долго находился на сцене, ничего не делая, просто присутствуя. К его образу привыкали. Он уже переставал быть подарком и невольно становился объектом второго плана. А ведь через несколько минут его личное соло! Какой же это выход главного героя концерта, когда он только что просто дирижировал... И, конечно, праздников не получалось. Вернее, их становилось все меньше. Но вместо того, чтобы взять себя в руки и добиваться успеха созданием новых интересных работ и режиссерских решений, Эдди продолжал делать ставку на давно проверенные, но, увы, амортизированные произведения и приемы, удивляясь, почему они не срабатывают?

Такой звездной "недостаточностью" страдали и страдают многие большие артисты. Хочу привести яркий пример с Леонидом Утесовым. В свое время наступил и у него такой же спад в успехе. В программе его оркестра появились артисты, отдельные номера которых получали больше аплодисментов, чем он сам. Это танцоры-степисты братья Гусаковы. Их, как говорится, не отпускали со сцены. После такого громового номера выходить даже с хорошей песней было рискованно. Леонид Осипович нашел очень интересное решение: в финале танца братьев Гусаковых он выбегал на сцену и последние восемь тактов танцевал вместе с ними. А значит, вместе с ними принимал и ежедневный залп аплодисментов, деля успех на троих! С одной стороны эту режиссерскую выдумку можно принять, как удачу. А если задуматься, то это хватание за пресловутую соломинку.

В подобной же ситуации Эдди Рознер неожиданно соглашается сняться в эпизоде детективного фильма, где он на несколько секунд появляется в группе фашистских генералов без слов и без какого-либо действия. Мундир с орденами сидел на нем отлично. Походка была само совершенство, но на экране его узнавали... жалели. Да и фильм был плохой.

Ко всем событиям того грустного времени дирекция Росконцерта, где числился наш оркестр, начала снижать заработок Рознера. Первоначально ставка его была очень высокой и равнялась ставке Аркадия Райкина. Почему снизили? Ведь Рознер по-прежнему делал сборы. Имя, так высоко поднятое, продолжало привлекать любителей джазовой музыки. Они в своей массе и не могли знать те резкие изменения, о которых я только что рассказал. В их глазах Рознер оставался Рознером! Но и администрация оставалась администрацией.

Во время очередного денежного "согласования" Рознер, наверное сгоряча, бросил до предела банальную фразу:

— Я подаю заявление об уходе! — На что администрация Росконцерта не возразила...

Итак, корабли были сожжены и была пересечена точка возврата. Пусть читатель простит меня за эти две красиво-трагические фразы, главное, что суть их была горькой действительностью.

В Росконцерте в те дни работал на договоре оркестр под руководством Анатолия Кролла и вот господин Случай сделал этот оркестр штатным. Кролл занял место Рознера. Не подумайте, что я злопыхаю. Музыканты Анатолия Кролла очень долго ждали возможности закрепиться в Москве. Однажды они уже были у цели, но тогда другой господин Случай поломал их мечты и надежды.

Дело было так: оркестр Анатолия Кролла выступал в Ялте и пользовался там достойным успехом. Руководство Росконцерта прислало

специальную комиссию, которая должна была убедиться в качестве и рентабельности коллектива, чтобы пригласить его в Москву. Причем, впервые.

Комиссия пришла на концерт. Слушала, улыбалась и отмечала про себя, что ребята достойны выступить в Москве. В программе концерта была большая фантазия на темы песен американских композиторов. На сцену, как положено, вышла ведущая. Кстати, очень красивая и современная девушка, и прежде, чем объявить эту самую американскую фантазию, девушка сказала следующее: "Дорогие друзья, представьте себе, что вам повезло и вы находитесь в Соединенных Штатах Америки..." И далее по тексту...

Это было сказано в самый пик холодной войны, когда Никита Сергеевич Хрущев грозно глядел за океан и посылал на Кубу караван советских кораблей с ракетами!

Комиссия не захотела, чтобы ей повезло. Не захотела очутиться в Америке. И, уж конечно, не захотела, чтобы оркестр Анатолия Кролла очутился в Москве, хотя афиши с его именем уже были расклеены.

О следующих этапах жизни главного героя этого рассказа мне говорить труднее, потому что я уже в джазе не работал — обострился старый легочный недуг. Врачи отсоветовали "дудеть" в трубу, да и литературно-эстрадно-песенное поприще полностью овладело моими помыслами и временем. Так что последние описания — это взгляд со стороны. Как бы из-за кулис.

Чуть позже ушел на пенсию Луи Маркович. Перестала звучать его фирменная "Тирольская песенка", единственная, которую он с трудом выучил на русском языке. Владея в совершенстве немецким, французским и английским, прилично говоря по-испански, Луи с большим трудом справлялся со славянскими — польским и русским.

Когда я сочинял песенку "Мандолина, гитара и бас", то, учитывая эту слабость Марковича, я уготовил ему во всем тексте только одну фразу — "и бас", которую он очень старательно исполнял. И это усердие привело наше трио к неожиданному происшествию или даже казусу.

Однажды на ответственном концерте я, исполнявший роль "гитары", случайно пропустил второй куплет песни и с ужасом понял, что Луи этого не заметил. Из-за моей ошибки все действие передвинулось вперед. То-есть третий куплет встал на место второго, где после слов: "... на балкон устремлялись все три пары глаз: мандолина, гитара и бас..." Мы должны были "устремить" свои глаза налево вверх. Там предполагался балкон героини песни, причем Луи в этот момент еще и приподнимал свои очки.

Итак, Луи не обратил никакого внимания на то, что мы с Гофманом

"устремили" свои взгляды к "балкону" раньше времени. Мало того, я, стоя рядом с Луи, очень внушительно подтолкнул его плечом, подчеркивая это устремление... Нет! Свое сокровенное "и бас" Луи произнес, как этого требовал второй куплет, то-есть, глядя вперед, на зрителей.

У меня и у Гофмана тут же возникло страшное предположение, что Луи повернется к балкону и приподнимет свои очки, когда это совершенно невпопад. Была, правда, надежда, что он хоть чуть-чуть прислушается к тексту, но этого не произошло. Луи честно отсчитал третий куплет и еще ярче обычного устремился взглядом и даже корпусом к "балкону", и еще выше приподнял очки.

Я еле сдерживал смех. Состояние было ужасное. Следующий куплет песни начинать мне! Я собрал всю свою волю, стал припоминать все грустное в моей жизни... в последний момент представил себе далекую дальневосточную речку Бурею, где в эти минуты в ГУЛАГе томился мой отец.

Мы еле-еле довели до конца сюжет "Мандолины, гитары и баса". Но Павел Гофман не мог знать моих грустных воспоминаний и потому продолжал смеяться.

Луи же стал тихо спрашивать по-немецки:

— Вас из гешейн? — Что случилось?

Он так ничего и не понял этот Луи! Тут мы снова начали смеяться.

Следующая песня — "Ковбойская". Она должна начинаться со свиста. А как свистеть, когда губы от смеха разъезжаются во все стороны.

— Что же ты не свистишь? — тихо спросил меня Павел... Этот вопрос подлил масла в огонь. Уже ничто не могло удержать нас. Смех возник и в зале, к счастью дружелюбный. Спасибо всепонимающим чутким зрителям того далекого концерта!

Выручил "Ковбойскую" Пира Рустамбеков. Он догадался сыграть этот кусочек мелодии на кларнете. Вот такая случилась с нашим веселым трио трагикомическая история.

Теперь с болью в сердце возвращаюсь к моменту ухода Эдди Рознера из Росконцерта. Оркестр, создаваемый так тщательно и долго, развалился в один день. Немосквичи, а их было много, разъехались по своим родным городам. Москвичи — кто куда. Неожиданное продолжение карьеры получилось у Павла Гофмана. Он перешел работать в цирк! На эстраде не стало обаятельного Павла Гофмана — скрипача и исполнителя веселых песенок, который по популярности был первым после Рознера. В цирке же Гофман заменил очень известного артиста-сатирика Григория Рашковского, и на манеже сложился новый дуэт куплетистов — Скалов и Гофман.

А у Рознера перестало существовать знаменитое трио "Мандолина,

гитара и бас". А оно было ведь необходимым элементом нашего оркестра и, не боюсь преувеличения, родоначальником всех появившихся позже вокально-музыкальных квартетов и групп на эстраде!

Эдди Рознер, став безработным, решился в третий раз создать джазовый оркестр. Теперь надо было резко менять и профиль и стиль. Нужны были новые, молодые силы. На его зов эти силы слетелись в основном из Москвы и Ленинграда.

Рознер предложил себя Белоруссии, заслуженным артистом которой он был. Но Минск не принял его предложение. Это уже во второй раз! Отозвалась только гомельская филармония. Что ж, пусть Гомель. Начались репетиции. Мне рассказывали, что получился очень яркий, современный джаз-оркестр, где Рознер уже сам не играл, в силу известных вам причин. Он теперь только руководил, сочинял музыку и дирижировал.

Да! Рознер оставил, отложил свою золотую трубу! Очень горько было узнать об этом. Я представил себе его состояние. Представил его первый выход на сцену: Рознер — без трубы! А как могла реагировать публика, знавшая, любившая его?!

В гомельской филармонии начался четвертый, последний период деятельности Эдди Рознера на территории Советского Союза. Это был 1968 год!

И все могло возродиться. Отличные музыканты, возглавляемые опытным, высокоталантливым руководителем, должны были дать высокий результат, если бы не столь дорогая стоимость поднятия занавеса. Под этим термином подразумевается смета всех расходов за один концерт. А сюда входят: зарплата, суточные, гостиница — ведь музыканты и солисты сплошь приезжие! А также оплата композиторов, аранжировщиков и даже переписчиков нот. Ну, и конечно, шитье костюмов.

Для гомельской филармонии это был тяжелый занавес. Она стала гореть. Прибыль за выступления не покрывала расходов и длиться так долго не могло. Дальше все, как положено: финансовый отчет не принят. Перерасход! Комиссия народного контроля. Директора филармонии снимают и отдают под суд. Музыканты, с трудом вырвав свою зарплату, уезжают восвояси.

Рознер возвращается в Москву и начинает оформлять отъезд на свою исконную родину — в Берлин. В Западный. Жена Галя с дочкой от первого брака и зятем уехали вместе с ним. Правительство ФРГ обещало компенсацию за репрессивный урон, нанесенный семье Рознеров, — это разрушенный собственный дом и, наверное, что-то и что-то еще.

Правительство Союза в то время за репрессии никаких компенса-

ций даже не обещало. Чем возместить Рознеру восемь лет колючей проволоки по сфабрикованной 58-й статье?! Да у Рознера перед арестом ничего и не было. Но как и чем возместить идейно-тоталитарный гнет чиновников из Комитета "поделом" искусству и других "знатоков", которые в течение долгих лет то и дело изрекали: "Нам не нужна джазовая музыка", "Опять жидовский джаз", "Трубоч из кабаре" и т.д. Наверное, многие из этих оракулов еще здравствуют и благоденствуют. А Эдди нет!

Я буду безмерно счастлив, если эти строчки попадутся им на глаза. Хоть чем-то досадить! Устыдить не надеюсь и признаюсь, что в то страшное время я побоялся бы так написать.

В 1972 году Рознер вернулся в Берлин после тридцатилетней разлуки с родиной. Ему было тогда еще только шестьдесят два! Но чувствовал он себя очень больным и усталым. Еще бы! Появились неприятные сигналы в сердце. Напоминала о себе привередливая печень. Дочь Эрика тогда жила с мамой в Нью-Йорке. Узнав, что отец в Берлине, она пригласила его в гости.

Конечно, он полетел к ним, ко взрослой дочери и к любимой первой жене. Они хорошо и тепло его встретили. Но надо было возвращаться и обустраивать свой печальный финал.

Выдача компенсации задерживалась. Эдди ее так и не успел получить. Наличные кончались. Галя, чтобы подработать, организовала балетную студию. Рознер стал писать музыку, делать аранжировки. Еще надо было налаживать связи в музыкальном бизнесе. А о нем на Западе не забыли.

Узнав, что Эдди Рознер в Западном Берлине, Эллингтон звонил Эрике... Обещал помощь. Даже берлинская еврейская община предложила Рознеру работу. Он мог инспектировать маленькие берлинские кафе. Но Эдди остался верен музыке. Он уже лелеял планы создания большого музыкального шоу с участием негритянских артистов и музыкантов, чтобы приехать с ними на гастроли в Союз. Он почти выполнил заказ на музыку к фильму. И Эдди безусловно написал бы еще много хорошей музыки, но здоровье!

Все чаще и чаще врачи и медсестры со шприцам. Все труднее заставлять себя работать.

Последняя скорая приехала 8 августа 1976 года. Высокое давление. Очередной криз. Укол. Успокоительные таблетки. Лежать. Не волноваться.

Через несколько часов после ухода врача пришлось снова вызвать неотложку, но появилась она слишком поздно. Эдди Рознера не стало...

Спустя некоторое время композитор Владимир Терлецкий был в

Западном Берлине. Он позвонил Гале и попросил показать могилу мужа. Галя нашла причины не встретиться с Терлецким. Тогда он сам нашел на берлинском еврейском кладбище могилу великого трубача и музыканта!

Рядовая, ничем не примечательная могила. Надпись на плите до предела лаконична:

"АДОЛЬФ (Эдди) РОЗНЕР"
1910-1976

**ПЕСНИ НА СТИХИ
ЮРИЯ ЦЕЙТЛИНА,**

**исполнявшиеся джаз-оркестром
под руководством
ЭДДИ РОЗНЕРА**

МАНДОЛИНА, ГИТАРА И БАС

(музыка А.Гарриса)

Каждый вечер, вернувшись с работы,
Трое милых, веселых парней,
Разложив в своем садике ноты,
Развлекали родных и друзей.
Позабыв все дневные заботы
И усевшись на травку под вяз...
Вы поверьте, звучали не хуже, чем джаз,
Мандолина, гитара и бас.

Да-да, да-да ... как джаз —
Мандолина, гитара и бас.

Слушать их собирались соседки,
Прибегали мальчишки гурьбой.
Даже дворник был гостем нередким
Со своей многолюдной семьей.
Воробьи облепляли все ветки, —
Сколько мог разместить старый вяз...
Скажем прямо, имели успех среди масс
Мандолина, гитара и бас.

Да-да, успех среди масс —
Мандолина, гитара и бас!

И всегда на балконе с цветами
Было видно головку одну,
Что, сверкая во мраке глазами,
Все смотрела с тоской на Луну.
И за нею следя вечерами,
Порешил тогда маленький джаз:
"Что ж, соседка влюбилась в кого-то из нас —
В мандолину? В гитару?... Иль в бас?!"

В кого, в кого из нас?
В мандолину? Гитару?... Иль в бас?!

С той поры для них стало законом:
Каждый день перед тем, как играть,
Они взгляд поднимали к балкону:
"Без нее разве можно начать?"
И, завидуя каждому тону,

Что летел к ней в тот сказочный час, —
На балкон устремлялись все три пары глаз:
Мандолина, гитара и бас!

Да-да, да-да... Шесть глаз —
Мандолина, гитара и бас!

Время шло, а друзья все не знали,
Кто соседкою выбран из них?
Они спорили много, гадали:
"Не могла же влюбиться в троих?!"
Много спорили, мало узнали,
А соседка вдруг скрылась из глаз,
И напрасно к балкону сходились не раз —
Мандолина, гитара и бас.

Да-да, да-да... не раз —
Мандолина, гитара и бас!

Дело в том, что соседка любила...
А любила она всей душой
Краснофлотца соседа Данилу,
Что в те дни возвратился домой...
А друзья поклялись: "До могилы
Мы не сядем, ребята, под вяз!..."
И забытые всеми лежат там сейчас -
Мандолина, гитара и бас...

Да-да, лежат сейчас —
Мандолина, гитара и бас!

КОВБОЙСКАЯ ПЕСНЯ

(музыка А.Гарриса)

- Хорошо в степи скакать, —
Вольным воздухом дышать,
Лучше прерий места в мире не найти...
- Если солнце не печет,
И лошадка не трясет,
И пивные попадают в пути!

И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
Если только конь хороший у ковбоя...
И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
То всегда найдет он счастье свое!

— Тройкой славных храбрецов,
Ловим диких скакунов,
Чтоб они потом нас вихрем понесли...

— И зачем такая прыть?
Для чего коней ловить,
Когда есть везде трамваи и такси?!

И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
Если только конь хороший у ковбоя...
И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
То всегда найдет он счастье свое!

— Мы ворвемся ночью в дом,
Мы красотку украдем,
Если парня не захочет полюбить...

— И зачем такая страсть?
Для чего красотку красть?
Ее можно просто так уговорить!

И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
Если только конь хороший у ковбоя...
И-о!.. И-о!.. И-о!.. И-о!
То всегда найдет он счастье свое!

НА ПОЛЯНКЕ (музыка А.Гарриса)

На полянке, возле школы, —
Встали танки на привал...
И гармошки зов веселый —
Всю деревню вмиг собрал.
От полудня до заката
Заливался гармонист...
Разрумянились девчата:
"Хорошо так играет танкист!"

А потом гармонь в сторонку,
Парень с шумом отложил...
И с курносенькой девчонкой
Он шутя заговорил:
"Подари мне на прощанье
Взгляд твоих чудесных глаз!
Предстоит нам расставанье,
Мы на Запад уходим сейчас..."

А когда покончим с немцем,
Буду я с войны идти,
То меня потянет сердце
Вот по этому пути...
Как услышишь ты гармошку —
Это значит я иду, —
Только выглянешь в окошко,
И тебя я с собою возьму!"

Уж давно умчались танки,
Но такое не забыть...
И с тех пор на ту полянку
Ходит девушка грустить.
Часто там она встречает
Утра розовый рассвет, —
Речь танкиста вспоминает:
"Может шутка, а может быть нет!"

ТЫ НЕ ХМУРЬСЯ!
(музыка А.Гарриса)

Это было на лесной дорожке,
Сквозь деревья лился лунный свет...
Он просил: "Пройдем еще немножко!"
А она упрямо: "Нет и нет!"
Вот вам целый повод для раздора,
Назрела ссора, —
В глазах — слеза...
И тогда без всякого укора,
Он ей с милой нежностью сказал:

"Ты не хмурься, дорогая!
Пусть глаза твои сияют.
Пред тобою жизнь большая, —
Будет много бед в пути,
Но ты минуешь все ненастья,
Твоя юность сильнее препятствий, —
Только тот добьется счастья,
Кто любовь хранит в груди!"

А когда война их разлучила,
На его письмо пришел ответ:
"Если б знал, как я жалею, милый,
Что твердила часто слово "Нет"!
И когда взгрустнется мне немножко,
Я у окошка,
Одна стою...
Вспоминаю тихую дорожку,
Вспоминаю песенку твою:

"Ты не хмурься, дорогая!
Пусть глаза твои сияют.
Пред тобою жизнь большая, —
Будет много бед в пути,
Но ты минуешь все ненастья,
Твоя юность сильнее препятствий, —
Только тот добьется счастья,
Кто любовь хранит в груди!"

ЗАЧЕМ СМЕЯТЬСЯ?

(музыка Э.Рознера)

Зачем смеяться,
Если сердцу больно?
Зачем встречаться,
Если ты грустишь со мной?
Зачем играть в любовь
И увлекаться,
Когда ты день и ночь
Мечтаешь о другой?!

Ты скрыл от меня, что другая
Волнует тебя столько дней.
Ты мне говорил: "Дорогая!"
А мысленно был только с ней!
Так что ж мне сказать на прощанье? —
У каждого в жизни свой путь...
Напрасны слова и признанья, —
Ведь сердце нельзя обмануть!

Зачем смеяться,
Если сердцу больно?
Зачем встречаться,
Если ты грустишь со мной?
Зачем играть в любовь
И увлекаться,
Когда ты день и ночь
Мечтаешь о другой?!

МЕРИЛЮ

(музыка Э.Рознера)

В страны чужие уходит моряк,
Путь его трудный и дальний...
Вслед ему луч свой бросает маяк —
Родины отблеск прощальный.
Ветру навстречу корабль он ведет, —
Ветру о милой поет:

"Мерилю... Мерилю!
О тебе я все песни пою...
Мерилю... Мерилю!
Только ты знаешь песню мою.
Пусть мне штормом грозят океаны,
Я пройду сквозь грозу и туманы...
И тогда, Мерилю,
Я свою тебя назову!"

В шумном порту среди тусклых огней...
Где-то в кафе нелюдимом...
Он день и ночь вспоминает о ней, —

Образ лелея любимой.
Верит моряк, что она его ждет...
Верит и тихо поет:

"Мерилю... Мерилю!
О тебе я все песни пою...
Мерилю... Мерилю!
Только ты знаешь песню мою.
Пусть мне штормом грозят океаны,
Я пройду сквозь грозу и туманы...
И тогда, Мерилю,
Я своею тебя назову!"

ОСТАНЬСЯ

(музыка Э.Рознера)

Окна в наш сад открыты...
День проснулся чудесный...
Неужели уйдешь в этот час?

Неужели забыты
Все заветные песни,
Что мы пели вдвоем столько раз?!

Останься!
Еще совсем немного
Не уходи с порога
Большой любви моей...
Останься!
Еще одно мгновенье,
Ведь мы с тобою звенья
Невидимых цепей!

Я знаю, друг мой, что память храня,
Лишь май отцветет,
И осень придет, —
Ты вспомнишь меня!

Останься!
Еще совсем немного
Не уходи с порога

Большой любви моей...
Останься!
Еще одно мгновенье,
Ведь мы с тобою звенья
Невидимых цепей!

МНЕ НЕ ЗАБЫТЬ!

(музыкальная обработка В.Людвиковского)

Чудесных много стран,
Морей и городов.
Чудесен океан
У южных островов.
Но где б моряк не побывал,
Страны прекрасней не встречал, —
Отчизной мы ее зовем...

Над пальмами Цейлона
Чудесны небеса.
У девушек с Юкона
Красивые глаза.
Но где б моряк не побывал,
Он глаз прекрасней не встречал, —
Они на берегу родном!

Мне не забыть глаза дорогие.
Берег родной растаял вдали.
Мчатся навстречу волны чужие,
Я далеко от родимой земли.

Мне не забыть галаза дорогие,
Буйные ветры следы замели.
Падают в море звезды чужие, —
Я далеко от родимой земли.

Эй, рулевой! Что ты спишь у штурвала?!
Ты поверни в дорогие края!
Или тебя у родного причала
Никогда не встречала
Подруга твоя?!

Мне не забыть глаза дорогие,
Буйные ветры следы замели.
Память о них через волны чужие, —
Я пронесу до родимой земли.

ДЖОНУ БЫЛО ВОСЕМЬ ЛЕТ...

(музыка В.Людвиковского)

Джону было восемь лет.
Джон решил объехать свет.
Сел на тачку. Взял трубу:
"Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"
Ехал-ехал через двор,
Сквозь поломанный забор...
Очутился Джон в саду -
"Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"

Солнце прятаться стало
За горой.
А Джонни проехал так мало —
В клубнике застрял наш герой...
И сказал: "Ну, как назло,
Мне в пути не повезло.
Я отсюда не уйду, —
Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"

Джону стало двадцать лет.
Джон решил объехать свет.
Взял котомку он свою:
"Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"
Только вышел из ворот, —
Смотрит — девушка идет...
Повстречалась на беду:
"Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"

Солнце прятаться стало
За горой.
А Джонни прошел очень мало —
С девчонкой застрял наш герой...
И сказал: "Ну, как назло,

Мне в пути не повезло.
Я отсюда не уйду, —
Ду-ду-ду-ду, ду-ду-ду!"

Джону восемьдесят лет.
Джон не смог объехать свет.
Он звел семью и дом..
"А в дорогу?
Как-нибудь потом!"

ГДЕ ЖИВЕТ ТОМ?!

(музыка А.Гарриса)

Трое скачем по степи, —
"Где живет наш Том?
Где живет наш Том?
Где тут Тома дом?
Как нам дом его найти?!"
— Хватит нам скакать друзья! —
Билли крикнул нам. —
Том живет не там,
Я здесь ездил сам,
Покажу дорогу я!

Мы скачем опять... О-о!
Устали скакать... О-о!
А дома не видать... О-о!
Мы втроем не найдем
Тома дом!

Снова ищем по степи, —
"Где живет наш Том?
Где живет наш Том?
Где тут Тома дом?
Как нам дом его найти?!"

Джонни крикнул: "Сто чертей!
Местность здесь не та,
Едем не сюда,
Надо вон туда,.."
Повернули мы коней...

Мы скачем опять... О-о!
Устали скакать... О-о!
А дома не видать... О-о!
Мы втроем не найдем
Тома дом!

Чарли осадил коня:
"На рожон что лезть?
Я родился здесь,
Округ знаю весь,
Покажу дорогу я!"

Мы скачем опять... О-о!
Устали скакать... О-о!
А дома не видать... О-о!
Мы втроем не найдем
Тома дом!

Вдруг навстречу едет Том.
Мы к нему тотчас:
"Не найдем твой дом!
Ты встречаешь нас?"
Отвечал на это Том:
"Сам не знаю, где мой дом!"

Мы скачем опять... О-о!
Устали скакать... О-о!
А дома не видать... О-о!
Вчетвером не найдем
Тома дом!
О-о!.. О-о!.. О-о!.. О-о!..

МОЖЕТ БЫТЬ
(музыка Э.Рознера)

Полюбила я парнишку,
В нем достоинств особых нет.
Вечно занят, вечно с книжкой,
Не по-модному одет.
Не скажу, что он курносый,

Только вздернут нос едва,
Не скажу, что не причесан,
Но вихор торчит всегда.

Может быть, он некрасивый,
Может быть!
Может, слишком молчаливый,
Может быть!
Говорят, не те манеры,
Может быть!
Есть получше кавалеры,
Может быть!
А я люблю вот такого
И не вижу в том плохого.
Полюбила, полюбила,
И не надо мне другого!

Говорить он не умеет,
Час не спросит ни о чем.
Только мне с ним веселее,
Чем с другим говоруном.
Танцевать и петь не может,
Обнимает, как медведь.
Петь не может, ну так что же?
Я зато умею петь.

Может быть, он некрасивый,
Может быть!
Может, слишком молчаливый,
Может быть!
Говорят, не те манеры,
Может быть!
Есть получше кавалеры,
Может быть!
А я люблю вот такого
И не вижу в том плохого.
Полюбила, полюбила,
И не надо мне другого!

ЖДУ

(первое проведение исполнялось на французском языке)

Жду!.. Опять напрасно жду!
И средь аллей брожу...
Милый друг,
Если б ты слышал стук,
Этого сердца...

Жду, но уж надежды нет...
Бледнеет лунный свет...
Милый друг, тебя я жду!

Приди! Туман плывет в аллеи сада,
И веет утренней прохладой,
И вновь будет день...
Печальный...

Жду, но уж надежды нет...
Бледнеет лунный свет...
Милый друг, тебя я жду!

ВОСПОМИНАНИЕ

*(музыка Гии Канчели,
исполняла Гюлли Чохели)*

Я помню день весенний
И твой букет сирени...
Твои слова и клятвы...
Я помню нежный взгляд твой!

Тропинкою лесною
Куда-то шли с тобою...
Я помню день весенний
И твой букет сирени.

В тот день неповторимый,
Как солнце мне светило!
Со мною был любимый,
Со мною счастье было...

Теперь зима и вьюга,
И злобный ветер дует.
Где мы гуляли с другом,
Тропинку не найду я!

Лежат снега седые,
И мы давно чужие...
Прошел тот день весенний, —
Завял букет сирени!

ЗЕМЛЯКИ

(музыка А.Гарриса)

Если так случится —
Друга в жизни встретишь,
С кем мы жили—не тужили, — друга-земляка.
То за чаркой доброй
Ночи не заметишь, —
Выплывут былые дни в ту ночь издалека,

Край любимый,
Дом родимый,
Там, где детство шло тропой неповторимой...
Где свиданья назначали у рябины,
Где тайком курили в балке у реки.
Пусть не вечна
Эта встреча,
Но зато ведь наша дружба бесконечна,
И мы встретимся, хоть разный путь намечен,
Потому что ты и я — земляки!

Пусть далеко юность,
Пусть виски седые.
Еще много по дорогам нам с тобой шагать.
Мы идем сегодня
В будни боевые,
Для того чтоб встретиться и снова увидеть —

Край любимый,
Дом родимый,
Там, где детство шло тропой неповторимой...
Где свиданья назначали у рябины,

Где тайком курили в балке у реки.
Пусть не вечна
Эта встреча,
Но зато ведь наша дружба бесконечна,
И мы встретимся, хоть разный путь намечен,
Потому что ты и я — земляки!

МОЙ МИЛЫЙ ТАК ХОРОШ
(музыка А. Островского)

Мой милый так хорош,
Талантлив и умен,
Куда с ним не придешь,
Все говорят: "Красивый очень он!"
А я его красе
Не рада оттого,
Что девушки везде
Все время смотрят на него.

Подружки все ревнивые,
Косятся на меня...
Подружки мне завидуют,
Об этом знаю я.
Обидно, что с красивым я
Встречаюсь пареньком,
Хожу всегда счастливая,
И только с ним вдвоем.

Мой милый так хорош,
Талантлив и умен,
Куда с ним не придешь,
Все говорят: "Красивый очень он!"
А я его красе
Не рада оттого,
Что девушки везде
Все время смотрят на него.

Ах, с ревностью мне сладу нет
И в логике разрыв:
Меня совсем не радует,
Что милый мой красив.
Вы скажете: "Чуждачество",

Что я "душой кривлю"...
Нет за другие качества
Я милого люблю!

За то что он хорош,
Талантлив и умен.
Куда с ним не придешь,
Все говорят: "Красивый очень он!"
А я его красе
Не рада оттого,
Что девушки везде
Все время смотрят на него.

